

ЦЕМЕНТНЫЙ САД

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ПОТРЯСЕНИЕ НА УРОВНЕ «ПОВЕЛИТЕЛЯ МУХ». WASHINGTON POST BOOK WORLD

ИЭН МАКЬЮЭН

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВЕСЬ МИР

Цементный сад
Иэн Макьюэн

Аннотация
Иэн Макьюэн. Цементный сад
Часть первая
1
2
3
4
5
Часть вторая
6
7
8
9
10

Аннотация

Иэн Макьюэн – один из авторов «правящего триумвирата» современной британской прозы (наряду с Джулианом Барнсом и Мартином Эмисом), получивший Букера за роман «Амстердам».

«Цементный сад» – его дебютная книга, своего рода переходное звено от «Повелителя мух» Уильяма Голдинга к «Стране приливов» Митча Каллина. Здесь по-американски кинематографично Макьюэн предлагает свою версию того, что может случиться с детьми, если их оставить одних без присмотра. Навсегда.

Думаете, что детство – самый безоблачный период жизни? Прочтите эту книгу.

Иэн Макьюэн
Цементный сад

© Н. Холмогорова, перевод на русский язык, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство» «Эксмо», 2010

Часть первая

1

Я не убивал своего отца. И все же порой мне кажется, что я подтолкнул его к гибели. Хотя его смерть случилась в период моего взросления, событие это было незначительным по сравнению с тем, что произошло потом.

Отец остался в моей памяти болезненным, раздражительным и настырным, с желтизной в лице и в руках. Разговаривая о нем через неделю после похорон, мы с сестрами вспомнили, как санитары «скорой помощи» накрыли его красным одеялом и понесли прочь, и Сью разрыдалась. О его смерти я рассказываю лишь для того, чтобы стало понятно, откуда мы с сестрами взяли столько цемента.

Как-то раз в начале моего четырнадцатого лета перед нашим домом остановился грузовик. Я в это время сидел на верхней ступеньке крыльца и перечитывал комикс. Водитель и еще один человек вышли из машины и направились ко мне. Их лица покрывал слой бледной пыли, отчего оба походили на привидений. И тот и другой пронзительно насвистывали два совершенно разных мотива. Я вскочил и спрятал комикс за

спину, остро досадуя на то, что в руках у меня нет отцовской газеты, раскрытой на репортаже со скачек или хотя бы с футбольного матча.

— Цемент? — вопросительно произнес один из них.

Я сунул большие пальцы рук в карманы, перенес вес на одну ногу и чуть прищурился. Очень хотелось ответить коротко, сухо и по делу, однако я не был уверен, что правильно расслышал вопрос. Пауза затянулась. Тот, что обращался ко мне, завел глаза к небу и, уперев руки в бока, уставился на дверь за моей спиной. Дверь отворилась, вышел отец с блокнотом в руках и с трубкой во рту.

— Цемент, — повторил незнакомец, на сей раз утвердительно.

Отец кивнул. Я сунул комикс в задний карман и зашагал следом за тремя мужчинами к грузовику. Отец, приподнявшись на цыпочки, заглянул в кузов, вынул трубку изо рта и снова кивнул. Второй незнакомец, тот, что молчал, взялся рукой за стальной штырь сбоку кузова и резко дернул вниз. Один из бортов с лязгом открылся. В глубине кузова лежали в два слоя бумажные мешки, туго набитые цементом. Отец пересчитал их, заглянул в блокнот и сказал:

— Пятнадцать.

Такая манера говорить мне очень понравилась, и я повторил про себя: «Пятнадцать». Промычав что-то в знак согласия, рабочие взвалили на плечи по мешку и понесли их к дому. Теперь я шел впереди, а отец — прямо за мной. Завернув за угол, он указал влажным мундштуком трубки на угольную яму. Рабочие сбросили мешки в подвал и пошли к грузовику за следующей партией. Отец что-то отметил в блокноте карандашом, свисавшим с корешка на веревочке. Затем принялся в ожидании покачиваться на каблуках. Я прислонился к забору. Зачем отцу понадобился цемент, я не знал, но не собирался признаваться в своем неведении. Вместе с отцом я считал мешки, а когда разгрузка закончилась, пристроился рядом и смотрел, как он подписывает квитанцию. Не сказав ни слова, мы вернулись в дом.

Вечером, когда мы еще не вышли из-за стола, родители поссорились из-за мешков с цементом. Мать, обычно тихая и спокойная, пришла в ярость. Она требовала, чтобы отец отослал их обратно. Пока она говорила, отец перочинным ножом счищал копоть с черенка трубки прямо в тарелку с едва тронутым ужином. Он отлично умел использовать против матери трубку. Мать

говорила, что у нас совсем нет денег, а Тому скоро в школу, и, значит, нужно его одеть. Отец вставил трубку в зубы, где она смотрелась как-то привычнее, и перебил мать.

— Не может быть и речи, — сказал он, — о том, чтобы отослать мешки назад. Все, разговор окончен.

Я видел грузовик, и тяжелые мешки, и рабочих, которые их привезли, и ясно понимал, что он прав. Но как же самодовольно и глупо выглядел он сейчас, когда, снова вынув трубку изо рта, обвиняюще ткнул мундштуком в сторону матери. Она уже чуть ли не задыхалась от гнева. Мы с Джули и Сью выскользнули из-за стола, взбежали наверх, в спальню Джули, и закрыли дверь. Голос матери, то громче, то тише, доносился и сюда, но слов мы уже не слышали.

Пока Джули придвигала к двери стул, Сью повалилась на кровать, хихикая и зажимая рот кулачками. Вдвоем мы быстро сорвали с нее одежду. Когда мы стягивали с нее трусы, наши руки соприкоснулись. Сью была совсем тоненькой. Кожа плотно обтягивала ребра, а тугие мускулистые ягодицы странно напоминали лопатки. Между ног у нее уже золотился нежный пушок. Мы играли в ученых, исследующих неизвестное

существо из космоса: перебрасывались репликами с немецким акцентом и многозначительно переглядывались над распростертым нагим телом. Снизу доносился голос матери, усталый и настойчивый. Высокие скулы придавали взгляду Джули странное, загадочное выражение, словно у редкого дикого зверя. В электрическом свете глаза ее казались огромными и совсем черными. Сейчас, чтобы скрыть улыбку, ей пришлось надуть губы. Я страстно мечтал исследовать старшую сестру, но этого не позволяли правила игры.

— Итак, коллега?

Мы повернули Сью на бок, а затем на живот. Мы гладили ее спину и бедра, заглядывали с фонариком в рот и между ног, где уже расцвел крохотный цветок плоти.

— Что скажете, герр доктор?

Послюнив палец, Джули погладила бутон — и по спине Сью пробежала легкая дрожь. Я смотрел не отрываясь. Потом сам послюнил палец и сделал то же самое.

— Ничего особенного, — сказала она наконец, прикрыв двумя пальцами узкую щелку. — Но мы будем продолжать исследования?

Сью умоляла нас продолжать. Мы с Джули многозначительно переглянулись — двое невежд,

воображающих, будто им что-то известно.

— Теперь твоя очередь, — сказал я.

— Ну нет, — как всегда, ответила она. — Теперь ты.

Сью, уже перевернувшись на спину, просила:

— Ну еще немножко!

Я отошел от кровати, поднял с пола юбку Сью и бросил ей.

— Об этом не может быть и речи, — отрезал я, сжимая в зубах воображаемую трубку. — Все, разговор окончен.

Я заперся в ванной и присел на край, спустив трусы до колен. Думая о загорелых пальцах Джули между ног Сью, я довел себя до быстрого, острого спазма наслаждения и, только когда он прошел, вдруг заметил, что голоса внизу давно уже стихли.

На следующее утро мы с братишкой Томом пошли в подвал, большой и неизвестно зачем разделенный на множество отсеков и кладовок. Пока мы с ним спускались по каменной лестнице, Том боязливо жался ко мне. Он уже слышал о мешках с цементом и желал на них взглянуть.

Угольная яма примыкала к самой большой кладовке, здесь еще оставался уголь с прошлого года, и все мешки тут не поместились — часть из них

валялась на полу. У стены стоял массивный оловянный сундук, имевший какое-то отношение к краткому пребыванию отца в армии. С некоторого времени в него складывали кокс, чтобы не смешивать его с углем. Том захотел заглянуть внутрь, и я поднял крышку. Сундук пустовал, и в нем было так темно, что не видно дна. Том схватился за край сундука и крикнул: «Эгей!» — воображая, что стоит на краю пропасти и сейчас до него донесется эхо. Ничего не услышав в ответ, он захотел посмотреть остальные кладовки. Я повел его к той, что ближе к лестнице. Дверь здесь едва держалась в петлях: стоило мне ее толкнуть — и она отлетела. Том расхохотался, и его смех эхом понесся по коридору. Здесь стояли картонные коробки с какой-то заплесневелой одеждой. Том нашел несколько своих старых игрушек, презрительно пнул их ногой и сказал, что они для маленьких. За дверью нами была обнаружена старая детская кроватка, в которой в свое время поспали мы все. Том потребовал собрать ее, а я ответил ему, что кроватка уж точно для маленьких.

У лестницы мы увидели отца: он спускался вниз.

— Пойдем-ка, — сказал он мне, — помоги мне

с мешками.

Я пошел вслед за ним в большую кладовку. Том прятался у меня за спиной: отца он побаивался. Недавно Джули сказала мне, что, с тех пор как папа стал почти инвалидом, он борется с Томом за мамино внимание. Ее слова меня так поразили, что я надолго об этом задумался. Так просто — и так чудно: взрослый мужчина соперничает с маленьким мальчиком. Позже я спросил Джули, кто же побеждает, и она не задумываясь ответила:

— Конечно, Том — за это ему от папы и достается.

С Томом отец был суров и то и дело к нему придирался. Он использовал против него маму так же, как против нее — свою трубку. «Не смей так разговаривать с матерью», — говорил он. Или: «Сядь прямо, когда мать с тобой разговаривает». Она молчала, но, если после этого папа выходил из комнаты, тут же улыбалась Тому или приглаживала ему волосы.

Теперь Том, стоя в дверях, смотрел, как мы волочим мешки по полу, укладывая их вдоль стены в два ровных ряда. Врачи запретили отцу после сердечного приступа таскать тяжести, но я все-таки следил, чтобы он поднимал не меньше меня. Когда мы наклонились и взялись за углы мешка,

было видно, что он медлит, выжидая, когда я взвалю на себя всю тяжесть. Но я сказал: «Раз, два, взяли!» — и приподнял свой край, лишь когда почувствовал, как напряглась его рука. Если хочет, чтобы я делал больше, думал я, пусть скажет это вслух. Закончив, мы выпрямились и оглядели свою работу. Отец оперся рукой о стену, грудь его тяжело вздымалась. Я, стоя в небрежной позе, старался дышать через нос так легко, как только мог, хотя от этого у меня и кружилась голова.

— Зачем они нам? — Теперь я чувствовал, что имею право задать этот вопрос.

— Для сада, — тяжело выдохнул отец.

Я ждал, может быть, он добавит еще что-то, но, помолчав, отец двинулся прочь. У дверей поймал за руку Тома.

— Посмотри на свои руки! — рявкнул он, не замечая, что сам грязной ладонью испачкал ему рубашку. — Ну-ка быстро наверх!

Я задержался, чтобы выключить свет. Услышав (по крайней мере, так мне показалось) щелчки выключателей, отец остановился у лестницы и желчным тоном напомнил, чтобы я потушил все лампы, прежде чем идти наверх.

— Уже потушил! — огрызнулся я. Но он меня не слышал: надрывно кашляя, он поднимался

по лестнице.

Свой садик отец не столько растил, сколько усовершенствовал — в соответствии с чертежами, которые время от времени по вечерам раскладывал на кухонном столе, позволяя нам заглянуть ему через плечо. Здесь были узкие, мощенные булыжником дорожки; огибая клумбы, они выписывали удивительные кренделя, расположенные всего в нескольких футах друг от друга. Одна дорожка поднималась на каменную горку спиралью, словно горная тропа. Однажды, увидев, как Том лезет на горку напрямик, карабкаясь по изгибам дорожки, словно по лестничным ступеням, отец прямо взбесился.

— А ну-ка поднимайся как следует! — гаркнул он, высунувшись из кухонного окна.

Была здесь лужайка размером с карточный столик, приподнятая на пару футов над кучей камней. По краю лужайки как раз оставалось место для одного ряда ноготков. Отец упорно называл это висячим садом. В самом его центре располагалась гипсовая статуя танцующего Пана. То тут, то там внезапно возникали лесенки и уступы, ведущие то вверх, то вниз. Был здесь и прудик с голубым пластмассовым дном. Однажды отец принес домой в пакете двух золотых рыбок.

В тот же день их склевали птицы. На узких дорожках немудрено было потерять равновесие и свалиться прямо в клумбу. Цветы отец подбирал по компактности и симметричности. Больше всего ему нравились тюльпаны: ими он засадил весь сад. Ни кустов, ни роз, ни плюща отец не любил. Вообще здесь не было ничего вьющегося.

Дома по обе стороны от нашего стояли пустыми, и летом неухоженные сады буйно зарастали цветущими сорняками. Еще до того как случился первый сердечный приступ, отец мечтал оградить свой мирок высокой стеной.

…В семье было несколько постоянных шуток, придуманных и поддерживаемых отцом. Над почти невидимыми бровями и ресницами Сью, над мечтами Джули о спортивной карьере, над тем, что Том до сих пор иногда писается в постель, над тем, что мама нетверда в устном счете, над угрями, которые как раз в то время расцвели на моей физиономии… Однажды за ужином я передавал отцу тарелку, а он сказал: «Только, пожалуйста, не подноси мою еду слишком близко к лицу». Грянул быстрый традиционный смех. Я не мог нанести ответный удар: в нашем доме шутки придумывал только папа. И вряд ли ему захочется смеяться над самим собой.

Тем вечером мы с Джули заперлись в ее спальне и принялись заполнять тетрадь вымученными жестокими остротами. О чем бы мы ни вспомнили, все казалось нам невероятно смешным. Мы падали с кровати на пол, хватались за животы, визжали от восторга. Снаружи Том и Сью барабанили в дверь, требуя, чтобы их впустили. Больше всего нам нравились шутки типа «вопрос — ответ». В нескольких речь шла о том, что папа любит подолгу сидеть в туалете.

Но главной мишенью стал сад. Мы выбрали самую лучшую, отполировали ее и хорошенько отрепетировали. Выждали день или два. Снова был ужин, и снова отца угораздило что-то брякнуть о моих прыщах. Мы подождали, пока отсмеются Том и Сью. Сердце у меня билось так сильно, что трудно было выдерживать непринужденный разговорный тон, который мы так тщательно отрабатывали.

— Знаешь, — сказал я, — сегодня в саду я видел кое-что удивительное.

— Да? И что же это?

— Цветок.

Казалось, никто нас не услышал. Том о чем-то болтал сам с собой, мама подливала молока в чай, папа с необычайной сосредоточенностью

намазывал масло на хлеб. Когда масло свесилось над краем куска, он подхватил его быстрым скользящим движением ножа. Может быть, надо повторить еще раз, погромче, подумал я и взглянул на Джули. Она не поднимала глаз. Папа съел бутерброд и вышел.

— Напрасно вы это, — сказала мама.

— Что?

Но больше она не произнесла ни слова. Выходит, что над папой шутить нельзя — получается совсем невесело. Он обиделся. Я отчаянно пытался этому порадоваться, но чувствовал себя виноватым. Старался убедить в нашей победе Джули, надеясь, что она в ответ убедит меня.

В тот же вечер мы зазвали к себе Сью, но игра шла вяло. Сью стало скучно, и она ушла спать. Джули решила все-таки извиниться перед отцом или как-нибудь загладить вину. Я на это согласиться не мог, но, когда два дня спустя он наконец со мной заговорил, ощутил огромное облегчение. О садике мы не упоминали еще долго, очень долго, и свои чертежи отец изучал на кухне в одиночестве. А после того как случился первый сердечный приступ, и вовсе перестал заниматься садом. Сквозь трещины в камнях пробились сорняки, часть каменной горки об-

рушилась, высох пруд. Танцующий Пан упал и раскололся надвое, но и тогда никто не сказал ни слова. Мысль о нашей с Джули невольной причастности к этому разрушению наполняла меня ужасом и восторгом.

Вслед за цементом появился песок. Бледно-желтая гора заполнила угол сада перед домом. Кто-то, должно быть мать, обмолвился, что отец намерен забетонировать все пространство вокруг дома и спереди и сзади. А однажды вечером он и сам это подтвердил.

— Так чище будет, — сказал он. — Следить за садом я теперь не могу (он постучал трубкой по левой стороне груди), а вашей матери не придется каждый божий день мыть полы.

Он был так убежден в разумности своей идеи, что никто ни словом ему не возразил — не из страха, скорее от неловкости. Впрочем, идея бетонной площадки вокруг дома мне нравилась. Будет хотя бы где играть в футбол. Я представлял, как перед домом приземляются вертолеты. И прежде всего в самой мысли о том, чтобы замешать бетон и раскидать его по разровненному саду, была какая-то жестокая притягательность. Особенно я воодушевился, когда отец сказал, что возьмет напрокат бетономешалку.

Видимо, мать его отговорила, потому что однажды июньским субботним утром мы принялись за работу с двумя лопатами. В подвале мы вскрыли один из бумажных мешков и наполнили цинковое ведро светло-серым порошком. Отец вышел наружу, чтобы я подал ему ведро, а я просунул его сквозь угольную яму. Он наклонился ко мне — темный силуэт на фоне невыразительного бледного неба. Порошок он высыпал на дорожку и вернул мне ведро, чтобы я снова его наполнил. Когда отец решил, что цемента хватит, я прикатил с другой стороны дома тачку песка и высыпал ее сюда же. Для начала он собирался сделать бетонированную дорожку, чтобы легко было возить вокруг дома песок. Мы работали молча, если не считать его редких и сухих приказаний. Мне нравилось, что не нужно ничего говорить — так хорошо мы оба знаем, что делать, и понимаем друг друга. В эти минуты мне было с ним легко. Я налил в ведро воды, а он тем временем разровнял песок и цемент, превратив их в правильную горку с ямкой на вершине. Потом я смешивал бетон, а он подливал воды. Он показал мне, как действовать плечом и коленом, словно дополнительным рычагом. Я сделал вид, будто и так знал. Когда смесь схватилась, мы разбросали

ее по дорожке. Затем отец опустился на колени и принялся разравнивать зацементированную поверхность плоской стороной короткой обшивочной доски. Я стоял позади него, опираясь на лопату. Он встал, ухватился за забор и прикрыл глаза. Потом открыл их, поморгал, словно не очень понимал, где находится, и сказал:

— Ладно, поехали дальше.

И опять все сначала: передать ведра через угольную яму, прикатить тачку с песком, налить воды, смешать, разбросать, разровнять.

На четвертый раз движения мои замедлились от скуки и знакомых желаний. Я начал часто зевать и ощутил слабость в ногах. Интересно, где сестры? Почему они нам не помогают? Я передал отцу ведро, а затем, обращаясь к его силуэту, объявил, что мне нужно в туалет. Он вздохнул и нетерпеливо пощелкал языком. Снова оказавшись в подвале, я запустил руку в трусы. Понимая, что он ждет наверху, я принялся торопливо дрочить. Представлял, как обычно, загорелые пальцы Джули между ног Сью. Снизу донесся скрежет лопаты. Отец смешивал цемент сам.

И вдруг это случилось — появилось внезапно на тыльной стороне моего запястья. Разумеется,

я знал, что это такое, из анекдотов и школьных учебников биологии, знал и ждал этого уже много месяцев, надеясь, что я такой же, как все остальные, — и все равно был потрясен до глубины души. На мягких волосинках руки, поперек серого цементного пятна, блестело несколько капель жидкости — не молочной, как я предполагал, а бесцветной. Я попробовал ее на вкус и никакого вкуса не ощутил. Очень долго я рассматривал ее, поднеся к глазам так близко, словно надеялся разглядеть живчиков с извивающимися длинными хвостиками. Пока я рассматривал, жидкость засохла, превратилась в едва видную блестящую корочку, треснувшую, когда я согнул руку. Я решил ее не смывать.

Тут я вспомнил, что отец ждет, и поспешил вниз. Мать, Джули и Сью о чем-то разговаривали на кухне. Я пробежал мимо, они меня, кажется, не заметили. Отец лежал на земле лицом вниз, уткнувшись головой в только что выровненный бетон. Его рука сжимала доску. Я хорошо понимал, что должен бежать за помощью. Но поначалу несколько секунд вообще не мог двинуться с места. Только смотрел — изумленно, совсем как несколько минут назад. Край рубашки отца выбился из брюк, им слегка играл ветерок.

…Потом поднялись шум и суета. Приехала «скорая помощь», санитары уложили отца на носилки, укрыли красным одеялом и увезли. Вместе с ними уехала и мать. В гостиной рыдала Сью, а Джули ее успокаивала. На кухне играло радио. Когда «скорая помощь» уехала, я вышел из дома взглянуть на нашу дорожку. Ни о чем особенном не думая, взял доску и аккуратно заровнял отпечаток его лица на свежем, мягком бетоне.

2

Весь следующий год Джули тренировалась в школьной спортивной команде. Она уже выиграла золотые медали на местных соревнованиях по бегу на сто и двести двадцать ярдов среди подростков. Бегала Джули быстрее всех, кого я знал. Папа не принимал ее увлечение всерьез — говорил, ни к чему девушке быстро бегать, и незадолго до своей смерти отказался пойти с нами на соревнования. Мы приставали к нему и так и этак — даже мама к нам присоединилась. А он только смеялся над нашим негодованием. Быть может, на самом деле он был не прочь пойти, просто хотел, чтобы мы его поуговаривали, но мы надулись и оставили его в покое.

А в самый день соревнований никто не пригласил его пойти с нами, и он просто забыл. И так и не увидел в последний месяц своей жизни, как его старшая дочь становится чемпионкой. Не видел, с какой стремительностью, словно лопасти винта, мелькали на фоне зелени ее стройные загорелые ноги, не видел, как на финише третьего забега мы с Томом, мамой и Сью бросились к финишной ленте, чтобы расцеловать победительницу.

По вечерам она часто оставалась дома, чтобы вымыть голову и отгладить все складки на темно-синей школьной юбке. Джули была из тех немногих смелых девчонок, которые надевали под школьную форму накрахмаленные белые подъюбочники, чтобы форменная юбка разлеталась колоколом, стоит повернуться на каблуках. Еще она носила чулки и черные рейтузы, что было строго запрещено. И чистую белую блузку — все пять дней в неделю. А волосы иногда собирала на затылке, подвязав сияющей белоснежной лентой. Все это требовало серьезных ежевечерних приготовлений. Я любил сидеть рядом и смотреть, как она гладит, хоть ее это и раздражало.

В школе она гуляла то с тем, то с другим мальчиком, но по-настоящему ни с кем не сближалась. В семье у нас было негласное правило: друзей в дом не приводить. У нее были подруги — все известные бунтарки. Порой я видел ее в школе, в дальнем конце коридора, окруженную щебечущей девичьей стайкой. Но сама Джули всегда оставалась невозмутима: она правила своим кланом и поддерживала свою репутацию, пользуясь пугающим, презрительным спокойствием. Я, как брат Джули, тоже обладал в школе некоторым

статусом, но на людях она со мной не разговаривала и как будто не замечала.

Примерно в то же время на моей физиономии столь прочно утвердились прыщи, что я забросил все правила личной гигиены: не умывался, не мыл голову, перестал стричь ногти и принимать ванну. Даже зубы не чистил. Мать снова и снова ласково, в своей обычной манере, меня упрекала, но я не слушал ее и очень этим гордился. Если я людям нравлюсь, возражал я, пусть принимают меня таким, какой я есть. С утра мать тихонько заходила ко мне в комнату и меняла грязную одежду на чистую. По выходным я валялся в постели до полудня, а затем отправлялся в долгие одинокие прогулки. По вечерам смотрел, как Джули гладит свою одежду, слушал радио или просто сидел без дела. Друзей у меня в школе не было.

Я останавливался у каждого зеркала и разглядывал себя порой по часу. Однажды утром, незадолго до своего пятнадцатого дня рождения, отыскивая в огромном полутемном холле ботинки, я вдруг заметил свое отражение в высоком, в полный рост, зеркале, стоявшем у стены. Это зеркало отец все собирался прибить к стене, да так и не собрался. Свет, падавший сквозь витраж

над дверью, окрасил мои соломенные лохмы в разные цвета. Желтоватая полутьма скрыла прыщи и угри. В зеркале я казался себе необыкновенным, каким-то величественным. Я смотрел на свое отражение, пока не почувствовал, что оно будто отделяется от меня, начинает жить самостоятельной жизнью, парализует меня своим взглядом. С каждым ударом сердца оно словно отступало в полумрак, голову и плечи его окружал темный ореол.

— Круто, — сказало оно мне. — Круто! — И затем погромче: — Дерьмо… говно… жопа…

…Из кухни донесся голос матери, усталый и просительный: она звала меня завтракать.

Я взял из вазы с фруктами яблоко и пошел на кухню. Помедлил в дверях, окинув взглядом завтракавших родных и подбрасывая яблоко в руке, — оно подлетало в воздух и со звучными шлепками падало на ладонь. Джули и Сью ели, уткнувшись в учебники. Мать, измученная еще одной ночью без сна, ничего не ела. Запавшие глаза ее казались водянистыми. Том, повизгивая от нетерпения, пытался придвинуть свой стул поближе к ней. Он хотел сесть к ней на колени, но в последнее время мать стала жаловаться, что он для нее слишком тяжел. Она сама придвинулась

к нему и погладила его по голове.

Интересно, пойдет ли сегодня со мной Джули? Раньше мы каждое утро выходили из дома вместе, но теперь она старалась на людях со мной не появляться. Я продолжал подбрасывать яблоко, воображая, что всех очень смущаю. Мать подняла голову и смотрела прямо на меня.

— Пойдем, Джули, — произнес я наконец.

Джули подлила себе чаю.

— Мне еще нужно кое-что сделать, — твердо ответила она. — А ты иди.

— А ты, Сью?

— Я попозже, — не отрываясь от книги, пробормотала младшая сестра.

Мать мягко напомнила, что я не позавтракал, но я уже мчался через холл. Хлопнул со всей силой входной дверью и выскочил на дорогу.

Наш дом когда-то стоял на улице среди таких же обжитых домов. Но теперь квартал превратился в пустырь, на котором сквозь проржавевший мусор пробивалась жгучая крапива. Другие дома снесли, чтобы строить здесь шоссе, которое так и не построили. Порой ребята из многоэтажек приходили на пустырь поиграть, но обычно они шли к заброшенным блочным домам чуть дальше по дороге, где можно было полазать по опустевшим

квартирам и найти что-нибудь интересное. Один дом они как-то раз подожгли — и, кажется, никто этого не заметил. Наш дом отличался от других — старый и большой, немного похожий на замок, с толстыми стенами, низкими окнами и зубчатой каймой над входной дверью, всем своим обликом напоминавший угрюмого, задумавшегося человека.

Никто никогда к нам не приходил. Ни у матери, ни у отца, когда он был жив, друзей не было. Все наши дедушки и бабушки давно умерли. У матери были какие-то дальние родственники в Ирландии, но она много лет их не видела. Пара друзей была у Тома. Иногда он играл с ними на улице, но приводить их в дом мы не разрешали. Даже молочник по нашей дороге не ездил. Насколько мне помнится, последними нашими «гостями» были санитары «скорой помощи», которые увезли отца.

Я перешел через дорогу и постоял несколько минут, размышляя, не вернуться и не извиниться ли перед матерью. Уже готов был повернуть назад, но в этот миг дверь отворилась и на улицу выскользнула Джули в черном габардиновом пальто с туго затянутым поясом и поднятым воротником. Она быстро повернулась, чтобы

поймать дверь, прежде чем та хлопнет, — пальто, верхняя и нижняя юбки, как им и полагалось, взметнулись вокруг ее ног. Меня она пока не видела. Я смотрел, как она закидывает на плечо рюкзачок. Джули умела бегать быстрее ветра, но ходила словно во сне — убийственно медленно, выпрямив спину, всегда по прямой. Часто казалось, что она погружена в глубокую задумчивость, но, если спросить, начинала уверять, что вовсе ни о чем не думала.

Меня она не видела, пока не перешла через дорогу, а увидев, полуулыбнулась, слегка надула губы и не сказала ни слова. От ее молчаливости мне всегда было не по себе, но стоило сказать ей об этом — она смеялась и звонким музыкальным голосом уверяла, что, наоборот, это она всех боится. И верно, Джули на самом деле была робкой, ходили слухи, что всякий раз, отвечая в классе, она заливается краской. Однако была в ней какая-то спокойная сила и отстраненность, она жила в ином, отдельном от нас мире — мире прекрасных людей, знающих, что они прекрасны.

Я шел рядом с ней, она молчала, сжав губы и глядя вперед, выпрямив спину, словно по линейке. Ярдов через сто наша дорога впадала в другую улицу. Здесь осталось несколько домов с веран-

дами. Остальные, как и все дома на соседней улице, снесли, чтобы выстроить четыре двадцатиэтажных великана. Многоэтажки стояли на растрескавшемся асфальте, сквозь который пробивались сорняки. Выглядели они еще старше и угрюмее, чем наш дом. Бетонные стены сплошь покрыты почти черными пятнами сырости, которые никогда не высыхали. Когда мы с Джули дошли до конца нашей дороги, я схватил ее за руку и сказал:

— Эй, мисс, берегите рюкзак!

Джули вырвала руку и все так же молча пошла дальше. Я вприпрыжку забежал вперед и преградил ей дорогу. Ее молчание усиливало мою неуверенность.

— Кошелек или жизнь!

Джули прикрыла глаза и, не ответив, двинулась дальше.

— Что такое? — перестав дурачиться, спросил я нормальным голосом.

— Ничего.

— Ты сердишься?

— Да.

— На меня?

— Да.

Я на миг запнулся, а Джули уже отдалилась от

меня, поглощенная какими-то своими мыслями.

— Из-за мамы? — спросил я.

Мы шли сейчас мимо первой многоэтажки. В холле — мы видели через окно — собралась у лифта компания ребят не из нашей школы. Они стояли молча, прислонившись к стенам: должно быть, ждали кого-то.

— Тогда я вернусь, — сказал я и остановился.

Джули пожала плечами и нетерпеливо махнула рукой, показывая, что ждать меня не будет.

На обратном пути я встретил Сью. Она шла, уткнувшись в книгу, школьный рюкзачок аккуратно висел за спиной. Чуть поодаль шагал Том. По лицу его было видно, что из дому он вышел обиженным.

Со Сью мне было легче. Она на два года меня моложе, и если у нее и были свои секреты, меня они не пугали. Однажды я увидел у нее в спальне лосьон для выведения веснушек. Лицо у Сью было вытянутое, с тонкими чертами, прямые волосы, высокий лоб, бесцветные губы, небольшие, как будто вечно усталые глаза в окружении бледных, почти невидимых ресниц. Порой она в самом деле напоминала девочку-инопланетянку. Мы не остановились, но, когда я проходил мимо, Сью подняла глаза от книги и сказала:

— Ты опоздаешь.

— Забыл кое-что, — пробормотал я.

Том, погруженный в собственные мрачные мысли, меня не заметил. Сообразив, что Сью взяла его с собой, чтобы избавить маму от необходимости вести его в школу, я почувствовал себя виноватым и зашагал быстрее.

Обойдя дом, я увидел в окне кухни мать. Окруженная четырьмя пустыми стульями, она сидела за столом, заставленным грязной посудой. Прямо перед ней стояла моя нетронутая тарелка с овсянкой. Одна рука лежала на коленях, другой она оперлась о стол так, словно хотела положить на нее голову, да забыла. Рядом с рукой — плоская черная коробочка с таблетками. В лице ее смешались черты Джули и Сью. Гладкая кожа, высокие скулы. Каждое утро она рисовала у себя на губах идеальную дугу ярко-красного цвета. Но глаза ее, утопленные в темной, испещренной морщинками коже, запали так глубоко, что, казалось, она смотрит на мир из какого-то темного колодца. Густые темные кудрявые волосы она стягивала в узел на затылке. Иногда по утрам я находил в унитазе прядь ее волос и всегда смывал ее, прежде чем сделать свои дела. Вот она встала и, повернувшись ко мне спиной, принялась уби-

рать со стола.

Однажды, когда мне было восемь лет, я прогулял школу, прикинувшись больным. Мать не стала меня разоблачать. Она переодела меня в пижаму, уложила на диван в гостиной и укрыла одеялом. Мать прекрасно понимала, что я хочу побыть с ней наедине, пока отца и сестер нет дома. Может быть, ей и самой было одиноко. Я пролежал в постели до вечера, наблюдая за тем, как она делает разные домашние дела, а когда она выходила из гостиной, внимательно слушал. Меня поразил очевидный факт ее независимого существования. Она продолжала жить, даже когда я уходил в школу. Что-то делала. Вообще все было так, как обычно бывает без меня. Это меня поразило, но тогда в этом осознании не было боли. Теперь же, когда я увидел, как она, согнувшись, сметает яичную скорлупу со стола в мусорное ведро, та же простая мысль принесла с собой страх в невыносимом сочетании с чувством вины. Она — не моя выдумка, с которой можно поиграть и бросить.

Потянувшись за пустой бутылкой молока, она вдруг повернулась к окну. Я поспешно отступил и бросился бежать. Позади открылась дверь черного хода, я услышал свое имя, даже увидел

краем глаза, как она выходит из-за угла. Она снова позвала меня, но я уже выбежал на улицу. Всю дорогу я бежал бегом, и мне казалось, что вслед летит ее голос:

— Джек! Джек!

Сью я нагнал у самых школьных ворот.

3

Я понимал, что уже утро, что мне просто снится кошмар. Стоит постараться — и я проснусь. Я попробовал пошевелить ногами, почесать одну ступню другой. Любое, самое слабое движение вырвало бы меня из сна. Во сне за мной гнались какие-то люди, которых я не мог разглядеть. В руках они держали ящик и требовали, чтобы я в него заглянул, но я бежал со всех ног. На мгновение остановившись, я попытался снова пошевелить ногами или открыть глаза. Но кто-то уже шел ко мне с ящиком. Времени не оставалось, нужно было бежать. И вот мы столкнулись лицом к лицу. В деревянном ящике с крышкой на петлях, должно быть, когда-то хранились дорогие сигары. Крышка приоткрыта на дюйм или два, внутри темно. Я снова бросился бежать, стараясь выиграть время. На этот раз мне удалось открыть глаза. Прежде чем они снова закрылись, я разглядел свою спальню, школьную рубашку на стуле, перевернутый башмак на полу. И снова передо мной оказался ящик. Теперь я знал: в нем какой-то зверек, зловредный и страшно вонючий, и он хочет оттуда выбраться. Я напряг

силы, чтобы закричать, надеясь проснуться от звука собственного голоса. Но с губ не слетело ни звука — да что там, я и губами-то шевельнуть не мог. Повернуться и пуститься наутек тоже не получалось: я бегал всю ночь, а теперь настало время все-таки взглянуть внутрь. С невероятным облегчением я услышал звук открывшейся двери и шаги в спальне. Кто-то присел на край моей постели, и теперь я наконец сумел открыть глаза.

Рядом сидела мать, опершись о кровать по другую сторону от меня, так что я оказался словно бы у нее в плену. На будильнике — половина девятого, я уже опаздывал в школу. Мать, должно быть, встала еще часа два назад. От нее пахло знакомым ярко-розовым мылом.

— Думаю, нам с тобой надо поговорить, — сказала она.

И с этими словами закинула ногу на ногу и сложила руки на коленях. Сидела она очень прямо, как Джули. Я чувствовал себя лежа в невыгодном положении и попытался сесть.

— Полежи спокойно одну минуту, — сказала она.

— Я опоздаю! — возразил я.

— Хотя бы секунду полежи спокойно, — повторила она, подчеркнув голосом слово «секунду», —

мне нужно с тобой поговорить.

Я лежу, глядя в потолок. Сердце у меня колотится как сумасшедшее, в глазах еще стоят картины из сна.

— Посмотри на меня, — говорит она. — Я хочу взглянуть тебе в глаза.

Я поворачиваюсь к ней. Обеспокоенным взглядом она ощупывает мое лицо, в ее зрачках я вижу собственное искаженное отражение.

— Ты в последнее время в зеркало на себя смотрел? — спрашивает она.

— Нет, — лгу я.

— Знаешь, как у тебя зрачки расширены? — Я мотаю головой. — И мешки под глазами — даже сейчас, когда ты только что проснулся.

Она замолчала. Снизу слышится звяканье ложек — остальные завтракают.

— Знаешь, отчего все это?

Я снова мотаю головой. Она делает паузу, словно собирается с духом, затем наклоняется ко мне и говорит:

— Ты ведь понимаешь, о чем я?

Сердце у меня колотится так, что стук отдается в ушах.

— Не понимаю, — отвечаю я.

— Мальчик мой, все ты понимаешь. Я же вижу,

ты понял, о чем я говорю.

Мне остается только смятенно молчать. Суровость ей совсем не идет: в ее голосе появляются неестественные, актерские интонации. Но видимо, иначе говорить на эту сложную тему она не может.

— Не думай, что я не понимаю, что происходит. Ты сейчас растешь, становишься мужчиной, и я очень горжусь, что ты… есть вещи, о которых отец рассказал бы тебе, если бы он был жив… — Оба мы отводим глаза, зная, что это неправда. — Взрослеть нелегко. Но если ты будешь продолжать это делать, то нанесешь большой вред себе, своему растущему организму.

— Вред? — эхом повторяю я.

— Да. Ты только посмотри на себя, — продолжает она уже мягче. — По утрам еле-еле встаешь, весь день вялый, раздражительный, не моешься, не меняешь одежду, грубишь сестрам и мне. И мы оба знаем почему. Каждый раз, когда… — Тут она колеблется и снова устремляет взгляд на свои сложенные на коленях руки. — Каждый раз, когда ты… это делаешь, требуется две пинты крови, чтобы это восполнить. — И снова смотрит на меня смущенно и сердито.

— Крови… — повторяю я.

Она наклоняется и легко целует меня в щеку.

— Ты ведь не против того, что я с тобой об этом поговорила?

— Нет-нет, — отвечаю я.

Она встает.

— Когда-нибудь, когда тебе исполнится двадцать один год, ты вспомнишь этот разговор и будешь благодарен мне за то, что я тебе это сказала.

Я киваю. С внезапной лаской она ерошит мне волосы и быстро выходит.

Мы с сестрами больше не играли в постели Джули. Игры прекратились вскоре после смерти папы, но не его смерть была этому причиной — просто Сью начала стесняться. Может быть, узнала что-то в школе и начала стыдиться того, что мы с ней делали. Не знаю точно — мы никогда об этом не говорили. Да и Джули как-то отдалилась от нас. Она теперь красилась, у нее появились всевозможные секреты. Как-то раз в школе, на большой перемене, я был поражен до глубины души, услышав, как она называет меня своим братишкой. Она вела с мамой долгие беседы на кухне: стоило войти Тому, Сью или мне, обе замолкали. Как и мать, Джули делала мне замечания по поводу внешнего вида — толь-

ко ее обращение не отличалось материнской мягкостью.

— От тебя воняет, — говорила она мне всякий раз, когда мы ссорились. — Жутко воняет. Ты вообще когда-нибудь меняешь носки?

Такого я стерпеть не мог!

— Да пошла ты! — шипел я и хватал ее за коленки с твердым намерением защекотать до смерти.

— Мама! — визжала она. — Мама, скажи Джеку!..

И откуда-нибудь из соседней комнаты доносился усталый голос матери:

— Джек!

В последний раз я щекотал Джули, дождавшись, пока мама ушла к врачу. Натянул пару огромных и грязных садовых перчаток, которые после отца никто не носил, и пошел к Джули в спальню. Она сидела у стола, за которым обычно делала уроки. Я остановился в дверях, спрятав руки за спину.

— Чего тебе? — с отвращением спросила она. Мы только что поругались.

— Сейчас до тебя доберусь! — грозно сообщил я и простер к ней огромные руки с растопыренными пальцами.

От одного вида перчаток Джули лишилась сил. Попыталась было встать, но рухнула обратно

на стул.

— Только попробуй! — стонала она сквозь смех. — Только попробуй!

Страшные лапищи придвигались все ближе.

— Не надо… не надо… — вопила Джули, извиваясь на стуле.

— Пришел твой час! — сообщил я замогильным голосом и, схватив ее за плечо, опрокинул на кровать. Она лежала, задрав колени, прикрывая руками горло, не в силах отвести взгляд от нависших над ней огромных лап.

— Убирайтесь от меня! — прошептала она. Мне тогда показалось очень смешным, что она обращается не ко мне, а к перчаткам.

— Они пришли за тобой, — проговорил я, приближая к ней руки еще на несколько дюймов. — Но никто не знает, куда они нанесут первый удар!

Она пыталась ухватить меня за запястья, но я проскользнул у нее под руками и крепко схватил ее под мышками. Джули визжала, хохотала, извиваясь и хватая ртом воздух, хохотал и я, в возбуждении от собственной силы. Но вот в ее беспорядочных движениях появилась паника. Она не могла вдохнуть. Пыталась сказать «пожалуйста», но я был так возбужден, что не

мог остановиться. Воздух выходил из ее легких с каким-то птичьим писком. Одной рукой она вцепилась в грубую шерсть перчатки. Придвинувшись ближе, чтобы перехватить ее поудобнее, я вдруг ощутил, как по моим ногам течет что-то горячее. В испуге я вскочил с постели и сдернул перчатки. Джули уже не смеялась — только тихо, устало всхлипывала. Она лежала на спине, слезы текли по ее вискам и скрывались в волосах. В комнате слабо пахло мочой. Я подобрал с пола перчатки. Джули повернула голову.

— Уходи, — сказала она каким-то безжизненным голосом.

— Прости, — сказал я.

— Уходи.

В дверях торчали Том и Сью.

— Что у вас случилось? — спросила Сью.

— Ничего, — ответил я и очень тихо прикрыл за собой дверь.

Между тем мама начала ложиться спать все раньше и раньше. Она говорила, что ее все время клонит в сон.

— Несколько ночей отосплюсь, — говорила она, — и снова стану такой, как раньше.

Теперь за ужин и укладывание в постель отвечала Джули. Мы со Сью в гостиной слушали

радио. Вошла Джули и выключила приемник.

— Иди-ка вынеси ведро, — сказала она мне, — и выставь перед домом мусорные ящики.

— Эй, я же слушал! — запротестовал я и потянулся к ручке приемника.

Джули молча накрыла ее рукой. Я еще слишком хорошо помнил свое нападение на нее и чувствовал себя виноватым, так что сопротивляться не стал. Как всегда поворчав, я отправился выносить мусор. Когда вернулся, Сью на кухне чистила картошку. Позже, когда мы сели ужинать, вместо обычной возни и болтовни за столом воцарилось напряженное молчание. Я покосился на Сью, и она, поймав мой взгляд, хихикнула. Джули даже не взглянула на нас, вместо этого начала что-то тихо говорить Тому. Когда она вышла, чтобы отнести поднос с едой наверх, мы со Сью принялись, хихикая, пинать друг друга под столом, но затихли, едва услышали, что она возвращается.

Тому не нравились вечера без матери. Джули заставляла его съедать все, что лежит на тарелке, ни ползать под столом, ни фыркать в чашку ему не разрешалось. Но больше всего его злило то, что Джули не разрешает заходить в спальню к маме, когда та спит. Ему хотелось забраться к ней в постель прямо в одежде. Джули поймала его за

руку на лестнице.

— Не сейчас, — мягко сказала она. — Мама спит.

Том поднял страшный вой, но не сопротивлялся, когда Джули утащила его обратно на кухню. Он тоже ее побаивался. Она вдруг как-то изменилась, стала совсем взрослой. Мне все хотелось сказать ей: «Да ладно, Джули, хватит прикидываться. Мы-то знаем, какая ты на самом деле». Я все смотрел на нее, но она, занятая своими делами, почти не поднимала на меня глаз.

С матерью я старался не оставаться наедине, опасаясь, что она снова со мной заговорит. Из школьных уроков я знал, что все это неправда. Но теперь всякий раз, когда я запирался в ванной (это случалось раз или два в день), мне представлялись две молочные бутылки, полные крови, с крышечками из серебристой фольги.

Со Сью я общался больше. Кажется, она относилась ко мне с симпатией — по крайней мере, не цеплялась. Большую часть времени она проводила дома, в спальне, за книгой и не возражала, когда я валялся рядом. Читала она романы о девочках своего возраста, лет тринадцати-четырнадцати, и об их приключениях в школах-интернатах. В местной библиотеке она

брала большие книги с яркими картинками о динозаврах, вулканах и тропических рыбах. Порой я листал их, разглядывал картинки. Содержание меня не интересовало. Изображения динозавров казались мне подозрительными. Никто ведь не знает, как эти динозавры выглядели на самом деле, сказал я Сью. Она стала рассказывать о доисторических скелетах и работе палеонтологов. Мы проспорили несколько часов. Сью знала гораздо больше, но я твердо решил не позволить ей одержать верх. Наконец мы устали, спорить наскучило, мы надулись и разошлись.

Но чаще всего мы болтали, как двое заговорщиков, о наших родных и знакомых, тщательно обсуждая детали их внешности и поведения, стараясь понять, какие они на самом деле. Говорили и о болезни матери. Сью слышала, как мама сказала Джули, что снова меняет врача.

Оба мы соглашались, что наша старшая сестра в последнее время слишком уж задается. Я както не воспринимал Сью как девочку. Она была совсем не похожа на Джули — просто сестра, близкий человек. Однажды, когда долгим воскресным вечером мы разговаривали о родителях, Джули вошла в комнату. Я как раз говорил о том, что на самом деле они друг друга терпеть не мог-

ли и мама только обрадовалась, когда папа умер. Джули села на кровать рядом со Сью, скрестила ноги и зевнула. Я кашлянул и умолк.

— Ну, продолжай, — сказала Джули, — очень интересно.

— Да нет, я ничего, — сказал я.

— Угу, — ответила Джули. Она опустила глаза и слегка покраснела.

Теперь кашлянула Сью. Все мы молчали и ждали.

— Я просто говорил, что, мне кажется, мама не очень любила папу, — произнес я наконец, чувствуя себя очень глупо.

— Правда? — насмешливо спросила Джули. Видно было, что она злится.

— Не знаю, — промямлил я. — Может, ты знаешь?

— А мне откуда знать?

Снова долгое молчание, наконец Сью осмелилась сказать:

— Потому что ты с ней разговариваешь больше, чем мы.

Гнев Джули всегда выражался в презрительном молчании. Вот и сейчас она молча встала, подошла к дверям и только тогда сказала негромко:

— Это потому, что у вас обоих с ней нет ничего

общего.

Еще помолчала у двери в ожидании ответа и вышла, оставив после себя легкий аромат духов.

На следующий день, после школы, я подошел к матери и сказал, что могу сходить с ней вместе в магазин.

— Я не буду покупать ничего тяжелого, — ответила она. Она стояла в холле, завязывала перед зеркалом шарф.

— Просто хочу пройтись, — пробормотал я.

Несколько минут мы шли молча, затем она взяла меня под руку и сказала:

— Скоро твой день рождения.

— Ага, очень скоро, — ответил я.

— Хочешь, чтобы тебе поскорее исполнилось пятнадцать?

— Не знаю, — промямлил я.

В аптеке мы ждали, пока аптекарь приготовит для матери микстуру, и я спросил, что сказал ей доктор. Мать рассматривала мыло в блестящей подарочной обертке; услышав мой вопрос, она положила мыло и весело улыбнулась:

— Да все они говорят одно и то же. Ерунду всякую. Сколько я уже их поменяла. — Она кивнула в сторону прилавка: — Я принимаю таблетки, и они помогают.

Мне сразу стало легче, и я предложил понести пакет с коричневым полным пузырьком. На обратном пути мама сказала, что мой день рождения надо отпраздновать — может быть, я хочу пригласить кого-нибудь из школы?

— Не надо, — быстро ответил я. — Пусть будут только свои.

Всю дорогу до дома мы строили планы праздника, и оба радовались, что наконец нашли о чем поговорить. Мать вспоминала вечеринку по случаю десятого дня рождения Джули. Я тоже это помнил — мне тогда было восемь. Джули горько рыдала, потому что кто-то сказал ей, что после десяти лет дни рождения не празднуют. Мы все потом долго над ней подшучивали.

Ни мать, ни я не упоминали о том, что этот праздник — как и все прочие праздники — нам испортил отец. Ему нравилось, когда дети ходят по струнке, сидят прямо, разговаривают тихо и вежливо — словом, соблюдают установленные им правила игры. Шум, беспорядок, бесцельная беготня выводили его из себя. Не было такого дня рождения, на котором он бы на кого-нибудь не срывался. Когда Сью исполнилось восемь, он наорал на нее и пытался отправить спать за то, что она бегала вокруг стола. Вмешалась мама — и

больше мы ничьи дни рождения не праздновали. А у Тома и вовсе ни одного настоящего дня рождения не было.

Дойдя до ворот, мы снова замолчали. Пока мать рылась в сумочке, отыскивая ключи, я спрашивал себя, рада ли она, что на этот раз у нас будет праздник без папы.

— Бедный папа, — сказал я. — Он не сможет…

И она сказала:

— Бедняжка мой. Он бы так тобой гордился.

За два дня до моего дня рождения мать слегла.

— Когда надо будет, я непременно встану, — убеждала она меня и Сью, когда мы поднялись ее навестить. — Я ведь не больна — просто очень, очень устала. — Я видел, что ей трудно держать глаза открытыми.

Пирог она уже испекла и украсила его кремовыми кругами, красными и голубыми, а в центр пирога воткнула свечу. Эта одинокая свеча очень развеселила Тома.

— Тебе не пятнадцать! — вопил он. — Тебе всего годик!

Рано утром Том прибежал ко мне и запрыгнул на кровать.

— Вставай, новорожденный! Тебе сегодня годик!

За завтраком Джули молча вручила мне кожаный несессер, в котором обнаружились металлическая расческа и ножницы для ногтей. Сью подарила мне научно-фантастический роман. На обложке, на фоне темного неба и ярко сияющих звезд, огромный монстр сжимал в своих щупальцах космический корабль.

Я отнес поднос в спальню к матери. Когда я вошел, она лежала на спине с открытыми глазами. Я присел на край кровати, поставил поднос на колени. Она села, откинувшись на подушки, и сделала несколько глотков чая. Потом сказала:

— С днем рождения, сынок. По утрам в горле пересыхает — не могу говорить, пока чего-нибудь не выпью.

Мы неуклюже обнялись, она все еще держала в руке чашку. Потом протянула мне конверт, и я его открыл. Внутри лежала поздравительная открытка и две фунтовые бумажки. На открытке я увидел фотографический натюрморт: глобус, стопка старинных книг в кожаных обложках, удочка и крикетный мяч. Я снова ее обнял. Мама охнула — чашка в ее руках опасно накренилась и едва не соскользнула с блюдечка. Еще немного мы посидели вместе. Она сжимала мою руку в своей, желтоватой и морщинистой, — как кури-

ная лапа, подумал я.

Все остальное утро я валялся в постели и листал книгу — подарок Сью. В первый раз в жизни я читал роман. На какие-то споры, миллионы лет дрейфующие по Вселенной, случайно упал особый луч одной умирающей звезды и породил колоссального монстра, который питается рентгеновскими лучами и бесчинствует на космической трассе Земля — Марс. Задача командора Ханта не только победить чудовище, но и уничтожить его гигантский труп. «Если мы позволим ему дрейфовать в пространстве вечно, — объяснял Ханту на одном из многочисленных совещаний какой-то ученый, — то не только создадим риск столкновения — нас ждет нечто худшее. Кто знает, что могут сотворить с этой гниющей горой материи другие космические лучи? Кто знает, какие еще чудовищные мутации может претерпеть это тело?»

Когда вошла Джули и сказала, что мама не может встать и поэтому праздновать мы будем у нее в спальне, я был так поглощен приключениями командора, что не сразу понял, о чем она говорит.

— И сделай одолжение, — добавила Джули, выходя, — ради мамы хоть раз в жизни умойся!

Когда настало время обеда, Том и Сью отнесли наверх посуду и пирог. Я заперся в ванной и встал перед зеркалом. М-да… Командор Хант определенно не взял бы меня в экипаж. Чтобы скрыть проблемы с кожей, я пытался отращивать бороду. Но волосков в ней было очень немного, и каждый из них, словно указующий перст, направлял взгляд к пламеневшему прыщу у своего основания. Я наполнил раковину горячей водой и опустил туда руки, опершись о ее дно и придвинувшись к зеркалу. Так я порой проводил по полчаса — погрузив руки в воду и не отрывая глаз от своего отражения. Тщательнее «умываться» мне не случалось. Вместо мытья я грезил наяву — на сей раз о командоре Ханте. Когда вода остыла, я вытер руки и достал из кармана подарок Джули. Ногти постриг быстро, а вот причесывался долго, укладывая прямые русые волосы в разных стилях, и наконец решил отпраздновать свой день рождения прибором наискосок.

Когда я вошел в спальню матери, Сью запела «С днем рождения!» — и все подхватили. На прикроватном столике покоился пирог с уже зажженной свечой. Мать лежала, окруженная подушками, губы ее шевелились в такт песне, но голоса я не слышал. Песня закончилась, я задул свечу, а

Том принялся скакать вокруг кровати и вопить: «Тебе годик, тебе годик!» — пока Джули на него не шикнула.

— Очень хорошо выглядишь, — сказала мать. — Ванну принял?

— Ага, — ответил я и начал резать пирог.

Сью разлила по чашкам апельсиновый сок, который, как она гордо сообщила, сама выжала из четырех фунтов настоящих апельсинов.

— Мам, а разве бывают ненастоящие апельсины? — спросил Том.

Мы все засмеялись. Том, гордый своим успехом, повторил эту фразу еще несколько раз, но такого эффекта уже не было. Праздник вышел какой-то ненастоящий, и мне не терпелось вернуться к книге. Джули расставила стулья полукругом с одной стороны кровати, и мы сидели, откусывая от пирога и прихлебывая сок. Мама ничего не ела и не пила. Джули старалась нас расшевелить.

— Расскажи тот анекдот, который ты мне вчера рассказывала, — попросила она Сью.

Сью рассказала анекдот, и мама засмеялась. Тогда Джули сказала Тому:

— Том, покажи, как ты делаешь «колесо».

Нам пришлось сдвинуть в сторону стулья и тарелки, и Том принялся кувыркаться и дура-

читься на полу. Через несколько минут Джули его остановила и повернулась ко мне:

— А ты, может быть, нам споешь?

— Я никаких песен не знаю, — ответил я.

— Как это никаких? — не отставала она. — А «Зеленые рукава»?

Тут я разозлился:

— Да что ты здесь командуешь? Что ты, Господь Бог, что ли?

Вмешалась Сью.

— Джули, давай ты сама что-нибудь сделаешь, — предложила она.

Пока я спорил с Джули, Том скинул ботинки и забрался к маме в постель. Она обняла его за плечи и смотрела на всех нас, как будто из дальнего далека.

— В самом деле, — сказал я Джули, — почему бы для разнообразия тебе что-нибудь не сделать?

Джули молча вышла на свободное место, где только что кувыркался Том, отступила к стене, сделала два шага и вдруг перевернулась и встала на руки, сильная, гибкая и прямая, как стрела. Юбка ее при этом упала на голову. Белоснежные панталоны казались особенно белыми на загорелых ногах; я видел, как плотно эластичная ткань обтягивает плоский мускулистый живот, видел

в паху, совсем рядом с белой тканью, несколько черных волосков. Ноги ее, поначалу сжатые, теперь медленно расходились в стороны, словно гигантские руки. Вот Джули снова свела ноги, опустила их на пол и вскочила. А в следующий миг я, совершенно неожиданно для себя, обнаружил, что распеваю страстным дрожащим тенором «Зеленые рукава».

Когда я допел, все захлопали, а Джули пожала мне руку. Мама сонно улыбалась. Потом Джули вытащила Тома из маминой постели, Сью убрала тарелки и остатки пирога, а я унес вниз стулья. Праздник окончился.

4

Однажды жарким днем я нашел на земле кувалду, оплетенную длинными сорняками. Это случилось в саду заброшенного блочного дома, где я бродил, не зная, куда себя деть. Само строение сгорело еще с полгода назад. Я стоял в почернелой гостиной с разрушенным потолком и выгоревшим полом. Одна перегородка осталась цела: в центре ее виднелось сервировочное окошко, соединяющее гостиную с кухней. Одна деревянная дверца его еще висела на петлях. На кухне у стены чернели остатки водопроводных труб и розеток, на полу лежала разбитая раковина. И во всех комнатах пробивались сквозь щели, борясь друг с другом за свет, сорные травы. В большинстве брошенных домов все, кроме мебели, осталось в порядке на своих местах, и каждый предмет словно говорил тебе: вот здесь люди ели, здесь спали, здесь сидели. Но на этом пепелище порядка не было — все исчезло. Бродя по зияющей, выжженной пустоте, я пытался представить себе паркет, шкафы, картины, стулья, швейную машинку. Мне нравилось, какими мелкими и незначительными кажутся сейчас

эти предметы. В одной комнате между почернелыми, обугленными балками застрял матрас, и над ним нависал полуобвалившийся потолок. Люди, спавшие на этом матрасе, думал я, воображали, что они в спальне. И верили, что всегда так будет. Мне представилась моя собственная спальня, спальня Джули, матери — что, если с ними случится то же самое?

Размышляя об этом, я забрался на матрас, а с него — на край обрушенной стены и тут заметил в траве ручку кувалды. Я спрыгнул вниз и подобрал ее. Под увесистой железной головкой ее жили мокрицы: теперь они в слепом смятении бегали взад-вперед по своему крошечному клочку вселенной. Я опустил на них молоток и ощутил, как сотряслась земля под моими ногами.

Должно быть, его потеряли здесь пожарные или рабочие, сносившие квартал. Отличная находка. Я взвалил его на плечо и понес домой, прикидывая, что бы такое им раздолбать. Каменная горка в саду осыпалась и разрушалась без посторонней помощи. Мощеные дорожки никто не подновлял, они потрескались, из щелей лезла трава. Но оставалась цементная дорожка — пятнадцать футов в длину и пара дюймов в толщину. Никакой пользы от нее не было. Я разделся до пояса и принялся за

дело. С первого удара от дорожки отлетел маленький обломок бетона, но следующие не принесли ничего — даже трещин. Я передохнул и начал бить снова. На этот раз, к моему удивлению, в камне появилась глубокая трещина, и вполне приличный кусок бетона откололся и отлетел в траву. Он был тяжелым, примерно двух футов в ширину. Я оттащил его к забору и уже собирался снова поднять молоток, но тут за спиной у меня послышался голос Джули:

— Хватит.

На Джули был ярко-зеленый купальник. В одной руке она держала журнал, в другой — солнечные очки. С этой стороны дома царила глубокая тень. Я поставил кувалду между ног, опираясь на ручку.

— Вот еще! — сказал я. — С чего это?

— Мама просила.

Я поднял молоток и со всей силы жахнул им по дорожке. Затем оглянулся на сестру — та пожала плечами и пошла прочь.

— Почему нельзя-то? — крикнул я ей вслед.

— Она плохо себя чувствует, — не поворачиваясь, ответила Джули. — У нее голова болит.

То, что теперь мама почти не вставала с постели, я принимал как должное. Она слегла так

постепенно, что мы этого почти не заметили. Кажется, она не поднималась с моего дня рождения — а с того времени прошло уже две недели. Мы приспособились к новой жизни. По очереди носили наверх поднос с едой. Джули по дороге из школы заходила за продуктами, Сью помогала ей готовить, а я мыл посуду. Мама лежала, обложенная журналами и библиотечными книгами, но я ни разу не видел, чтобы она читала. Чаще всего она дремала сидя, а когда я заходил, как-то удивленно-испуганно открывала глаза и говорила что-нибудь вроде: «Ох, кажется, я вздремнула немного». Гостей у нас не бывало, никто не спрашивал, что с ней, и я сам не задавал себе этот вопрос. Джули, как потом выяснилось, знала гораздо больше. Каждое субботнее утро она отправлялась в аптеку и возвращалась оттуда с полным коричневым пузырьком. Доктора к маме не приходили. «Навидалась я докторов, — говорила она, — и анализов столько сдала — на весь остаток жизни хватит». Такая причина казалась мне вполне существенной.

Ее спальня стала центром дома. По вечерам мы теперь сидели с ней, болтали или слушали радио, пока она дремала. Несколько раз я слышал, как она говорит Джули, что купить или во что одеть

Тома, всегда быстро, мягко и вполголоса. Слова «когда мама встанет» превратились в обозначение некоего неопределенного, но близкого будущего, когда в доме восстановится прежний порядок. Джули хранила сосредоточенный, деловой вид, но я подозревал, что она пользуется своим положением, что ей нравится мной командовать.

— Пора бы тебе убраться у себя в комнате, — сказала она мне как-то на выходных.

— Это еще зачем?

— Тут страшный беспорядок, да еще и воняет чем-то.

Я промолчал. Джули продолжала:

— Приберись, пожалуйста. Так мама сказала.

Я полагал, что, раз мать больна, ее надо слушаться. В комнате, правда, все равно не убрался, но эта мысль сильно испортила мне настроение. Однако мама ни разу не заговаривала со мной о комнате, и я начал подозревать, что и Джули она ничего не говорила.

Минуту или две я смотрел на свою кувалду, а потом пошел на задний двор. Стояла середина июля, через неделю начинались каникулы, уже полтора месяца нас мучила страшная жара. Казалось, дождя никогда больше не будет. Джули

не терпелось загореть, и она расчистила себе местечко на вершине каменной горки. Каждый день после школы она отправлялась туда, расстилала полотенце и лежала ровно час, раскинув руки, а каждые десять минут или около того переворачивалась на живот и приспускала бретельки купальника. Ей нравилось, какой эффект создают загорелая кожа и белизна школьной блузки.

Когда я появился из-за угла, она как раз устроилась на своем месте: лежала на животе, положив голову на скрещенные руки, повернув лицо в сторону соседнего пустыря, где умирали от жажды развесистые заросли крапивы. Рядом с ней между темными очками и тюбиком крема для загара стоял миниатюрный серебристо-белый транзистор, из него доносились дребезжавшие мужские голоса. По обе стороны от нее горка круто уходила вниз, стоит ей чуть подвинуться влево, подумал я, и она скатится к моим ногам. Кусты и трава здесь давно пожухли, единственным пятном зелени, ярким и сияющим, был ее купальник.

— Послушай-ка, — сказал я ей, повысив голос, чтобы перекричать радио. Она не поворачивала голову в мою сторону, но я знал, что она меня слышит. — Когда это мама попросила тебя сказать мне, чтобы я не шумел?

Джули не отвечала и не шевелилась. Я обошел горку, чтобы заглянуть ей в лицо. Глаза у нее были открыты.

— Ты же не заходила домой…

И тут Джули сказала:

— Будь так добр, пожалуйста, натри мне спину кремом.

Я начал карабкаться на горку. Большой камень сорвался из-под моей ноги и с грохотом рухнул наземь.

— Осторожнее, — сказала Джули.

Я встал на колени между ее ног и выдавил из тюбика на ладонь бледный вязкий крем.

— Сначала шею и плечи, — попросила Джули, — они сильнее всего обгорают.

Мы были всего в каких-нибудь пяти футах над землей, но казалось, что здесь веет легкий освежающий ветерок. Втирая крем в ее плечи, я заметил, какими бледными и безобразными кажутся мои руки на фоне ее загорелой кожи. Бретельки купальника были спущены и лежали на земле, стоит чуть сдвинуться в сторону — и я увидел бы ее груди, скрытые в глубокой тени тела. Когда я закончил, она бросила через плечо:

— А теперь ноги.

На этот раз я втирал крем так быстро, как толь-

ко мог, почти зажмурившись. Мне было жарко и слегка мутило. Джули снова опустила голову на руки, дыхание ее стало ровным и медленным, словно у спящей. По радио писклявый голос с какой-то зловещей монотонностью излагал результаты скачек. Наконец я все сделал и спрыгнул с горки.

— Спасибо, — сонно проговорила Джули.

Я бросился в дом, наверх, в ванную. Молоток я в тот же вечер забросил в подвал.

Три дня в неделю я водил Тома в его школу. Вытащить его из дома всегда было нелегкой задачей. Порой он вопил и брыкался, и мне приходилось волочить его силком. Однажды утром, незадолго до конца четверти, пока мы шли, он довольно спокойно сообщил мне, что в школе у него есть враг. Это слово в его устах звучало на редкость неуместно, и я спросил, о чем это он. Том объяснил, что его достает один мальчик постарше.

— Говорит, что голову мне разобьет, — добавил он с каким-то изумлением в голосе.

Я не удивился. Том был как раз из тех ребят, на которых все шишки валятся: маленький и слабый для своих шести лет, бледный, слегка лопоухий, с дурацкой улыбкой и густой черной челкой, едва не закрывающей глаза. Что еще ху-

же, он умел и поспорить, и съязвить — в общем, идеальная жертва.

— Скажи мне, кто это, — сказал я, распрямляя сутулые плечи, — и я с ним разберусь.

Мы остановились у школьного забора и вгляделись во двор.

— Вон тот, — сказал он наконец и показал в сторону деревянного домика.

Враг Тома был на пару лет его старше, костлявый, рыжий и веснушчатый. Знаю я таких типов, подумал я. Быстрым шагом я пересек площадку, схватил мальчишку одной рукой за куртку, а другой за горло и как следует приложил о стену домика. Лицо парня начало наливаться кровью. Мне хотелось вопить от радости — так я наслаждался своей силой.

— Еще хоть пальцем тронешь моего брата, — прошипел я, — ноги оторву!

Затем отпустил его и ушел.

Из школы в этот день Тома забирала Сью. Домой он явился без одного ботинка, рубашка, порванная на спине, висела клочьями. Пол-лица покраснело и распухло, угол рта разорван. Коленки измазаны кровью и грязью, ноги в потеках засохшей крови. Левая рука распухла и болела при прикосновении, словно по ней проскакал

табун лошадей. Едва войдя в дом, Том издал какой-то звериный вой и бросился к лестнице.

— Не пускайте его к маме! — закричала Джули.

Мы бросились за ним, словно стая гончих за раненым зайцем, утащили в ванную и заперли дверь. Вчетвером в ванной было тесновато; от воплей Тома, отражавшихся от стен крошечной комнатушки, звенело в ушах. Мы с Джули и Сью сгрудились вокруг него, целуя, лаская, осторожно раздевая. К концу процедуры Сью сама чуть не плакала.

— Ох, Том, — повторяла она снова и снова, — бедный наш маленький Том!

Даже сейчас я умудрился позавидовать Тому. Джули присела на край ванны, а он, голый, стоял между ее ног, прижавшись к ней: одной рукой она стирала кровь с его лица, другой обнимала за живот, прямо над пахом. Сью прижимала к его пострадавшей руке холодный компресс.

— Это тот рыжий? — спросил я.

— Нет, — прохныкал Том. — Это его друг.

Вымытый, Том выглядел уже совсем не так страшно, и чувство трагедии испарилось. Джули завернула его в полотенце и понесла наверх, а мы со Сью пошли подготовить к этому зрелищу маму. Она, должно быть, что-то услышала — встала,

накинула халат и собиралась идти вниз.

— Том подрался в школе, — сказали мы. — Ничего страшного, сейчас с ним все в порядке.

Она снова легла, и Джули принесла к ней Тома. Некоторое время все мы сидели вокруг ее постели, пили чай и обсуждали случившееся. Том, все еще укутанный в полотенце, скоро заснул.

Однажды вечером, после ужина, мы сошли вниз. И Том, и мама уже спали. В тот день мама попросила Джули саму отвести Тома в школу и поговорить с учительницей о том, что его обижают большие ребята, и мы говорили об этом. Вдруг Сью сказала, что Том недавно сказал ей «ужасную странную вещь», и посмотрела на нас, ожидая вопросов.

Полминуты прошло в молчании.

— И что же он такого сказал? — устало спросил я наконец.

Сью хихикнула:

— Он просил никому не говорить.

— Тогда и не говори, — отрезала Джули.

Но Сью было уже не остановить.

— Он пришел ко мне в комнату и спрашивает: «Сью, а хорошо быть девчонкой?» Я говорю: «Мне нравится, а что?» Тогда он сказал, что устал быть мальчиком и теперь хочет побыть девочкой.

Я ему говорю: «Но ты же мальчик, значит, не можешь быть девочкой». А он: «Нет, могу. Если захочу, то могу». Я говорю: «А почему ты хочешь стать девочкой?» А он: «Потому что девчонки не дерутся». Я ему говорю: «Да нет, иногда бывает», — а он: «Неправда, они не дерутся». Я говорю: «Как же ты станешь девочкой, если все знают, что ты мальчик?» А он: «Буду носить платье, отращу волосы, как ты, и стану ходить в девчачий класс». Я сказала, что у него ничего не выйдет, но он ничего слушать не хотел, только говорит: «Нет, я все равно хочу быть девочкой, я хочу…»

Тут Сью, а вместе с ней и Джули покатились со смеху. Я даже не улыбнулся: ее рассказ ужаснул меня и в то же время как-то заворожил.

— Бедняжка! — сказала Джули. — Может, разрешим ему стать девочкой, раз уж он так хочет?

Сью в восторге захлопала в ладоши:

— Ага, оденем его в мое старое платье. Ему пойдет, он такой миленький.

Они переглянулись и снова рассмеялись. В этом смехе чувствовалось странное возбуждение.

— Вид у него будет чертовски дурацкий, — сказал я вдруг.

— Правда? — холодно спросила Джули. — И почему ты так думаешь?

— Ты прекрасно знаешь почему.

Наступило молчание. Я чувствовал, как в Джули нарастает гнев. Она сидела, положив на стол обнаженные загорелые руки, почти черные при электрическом свете.

— Потому что он будет выглядеть глупо, — сказал я наконец, чувствуя, что лучше было бы помолчать. — Вы же сами будете над ним смеяться.

— Значит, ты считаешь, что девочки выглядят глупо и по-дурацки? — негромко спросила Джули.

— Да нет же! — воскликнул я.

— Ты считаешь, что унизительно выглядеть как девочка, потому что унизительно быть девочкой.

— Для Тома — да, потому что он — мальчик.

Джули глубоко вздохнула и заговорила так тихо, что мне пришлось прислушиваться, чтобы разобрать слова.

— Девочкам можно носить джинсы, и рубашки, и ботинки, и коротко стричься, потому что мальчиком быть хорошо. Если девочка выглядит как мальчик, она как будто поднимается на ступеньку выше. Но ты считаешь, что для мальчика обидно выглядеть как девочка, потому что втайне

веришь, что обидно быть девочкой. Почему еще ты можешь считать, что для Тома унизительно надеть платье?

— Потому что так и есть, — с угрюмым упорством ответил я.

— Но почему? — хором спросили Джули и Сью.

И прежде чем я успел ответить, Джули продолжила:

— Если я завтра надену в школу твои брюки, а ты наденешь мою юбку, сам понимаешь, над кем из нас двоих будут смеяться, на кого будут показывать пальцем.

Изображая, как это все происходило бы на самом деле, она перегнулась через стол и ткнула в меня пальцем:

— «Вы только посмотрите на него! На кого он похож! Он выглядит как… как… Как девчонка!»

— «И посмотрите на нее, — подхватила Сью, указывая на Джули. — В этих брюках она выглядит как… как… как настоящая красавица!»

Тут мои сестры расхохотались так, что рухнули друг другу в объятия.

Спор наш так и остался теоретическим. Вскоре после этого Том однажды, вернувшись из школы, вручил нам длинное письмо для мамы от своей учительницы. Пока мы со Сью втаскивали в

ее спальню обеденный стол, мама читала нам отдельные фразы из этого письма. «Том — украшение нашего класса». Эту фразу она с гордостью повторила несколько раз. Еще ей понравилось: «Он прекрасно воспитан и, несомненно, одарен».

В тот день мы решили перенести мебель из столовой в спальню, раз уж все равно здесь едим. Кроме стола я принес наверх два маленьких кресла, теперь в спальне оставалось совсем мало места. Чтение письма утомило маму, она откинулась на подушки, сжимая в руке очки, и письмо соскользнуло на пол. Сью подобрала его и положила обратно в конверт.

— Когда я встану, — сказала ей мама, — мы, прежде чем нести мебель обратно, все в столовой переделаем.

Сью присела к ней на кровать, и они заговорили о том, какие цвета больше подойдут к столовой. Я сидел, облокотившись на стол. Жара стояла страшная, хотя время перевалило далеко за полдень. Оба окна в спальне были широко распахнуты. Снаружи доносились голоса детей, играющих в лабиринте заброшенных домов дальше по дороге, — невнятный гомон, порой прерываемый пронзительным выкрикиванием чьего-нибудь имени. По комнате кружились

мухи, одна из них ползла по ручке моего кресла. Джули загорала у себя на горке. Том играл где-то на улице.

Мама заснула. Сью взяла у нее из руки очки, спрятала их в футляр, положила его на прикроватную тумбочку и тихо вышла. Я сидел, прислушиваясь к дыханию спящей матери. Во сне она тихонько посвистывала носом. То, что обеденный стол оказался в спальне, было для меня слишком необычно — я не мог просто так уйти. В первый раз я заметил на его крышке под темным лаком черные древесные кольца. Я положил руки на его прохладную поверхность. Здесь стол казался каким-то особенно реальным, я уже не мог вообразить его внизу. На кровати мать коротко, с каким-то всхлипом сглотнула, словно ей снилось, что хочется пить.

Наконец я встал и, зевая, подошел к окну. Надо было еще сделать домашнее задание, но совсем скоро начинались летние каникулы, и о школе я больше не думал. Даже не знал, пойду снова в школу осенью или, может быть, займусь чем-нибудь еще. Снаружи Том с каким-то своим ровесником тащили по улице старую шину от грузовика, они завернули за угол и скрылись из виду. Меня удивило, что они тащат ее, а не

катят, и от этой мысли я вдруг почувствовал, что очень устал.

Я уже хотел снова сесть за стол, когда меня вдруг позвала мать. Я подошел и присел к ней на кровать. Она улыбнулась и коснулась моей руки. Я отдернул руку и спрятал ее между коленей. Было страшно жарко, я не хотел, чтобы меня трогали.

— О чем думаешь? — спросила она.

— Ни о чем, — вздохнув, ответил я.

— Ты поел?

Я кивнул.

Она попыталась погладить меня по плечу, но я сидел слишком далеко.

— Надеюсь, ты найдешь себе работу на каникулах и заработаешь немного карманных денег.

Я проворчал что-то невнятное и на миг повернулся к ней. К ее глубоко запавшим глазам я уже привык, но только сейчас заметил, что они окружены огромными темными кругами. Волосы у нее поседели и поредели, несколько волосков лежало рядом на подушке. На ней была ночная рубашка, а поверх нее — серовато-розовый кардиган, один рукав его вздулся на запястье: в рукавах мама держала носовые платки.

— Сядь поближе, Джек, — попросила она. — Я

хочу тебе кое-что сказать — так, чтобы никто больше не слышал.

Я придвинулся поближе, и она положила руку мне на плечо.

Минута или две прошли в молчании. Я ждал со скукой и подозрением, опасаясь, что ничего хорошего не услышу: пожалуй, снова заговорит о том, как я выгляжу, или о пинтах потерянной крови. Если так, я просто встану и уйду. Но наконец она сказала:

— Скоро мне придется уехать.

— Куда? — машинально спросил я.

— Лечь в больницу. Уж не знаю, что со мной такое, но, может быть, там этому положат конец.

— И надолго?

Она помолчала, взгляд ее оторвался от моего лица и устремился куда-то в стену.

— Может быть, надолго. Вот почему я хочу с тобой поговорить.

Мне хотелось узнать поточнее, сколько же времени она собирается провести в больнице — сколько свободы мне достанется. Но она уже говорила о другом:

— Это значит, что вы с Джули останетесь в доме хозяевами.

— Это Джули будет хозяйкой, а не я, — угрюмо

возразил я.

— Нет, вы оба, — настаивала она. — Несправедливо все взваливать на нее.

— Тогда скажи ей, что я тоже хозяин!

— Кто-то должен следить за домом, Джек, и за Томом. Вам нужно будет убираться в доме и все здесь держать в порядке. Иначе сам знаешь, что может случиться.

— А что?

— Тома заберут под опеку, а может быть, и вас со Сьюзан. Джули не сможет жить здесь одна. Дом будет стоять пустым, люди об этом услышат и очень скоро сюда залезут, вынесут все ценное, а все остальное перевернут вверх дном. — Она сжала мое плечо и улыбнулась: — Вот выйду я из больницы — и получится, что идти-то мне и некуда. — Я кивнул. — Я открыла на почте счет на имя Джули, на него будут поступать деньги из моих сбережений. На сколько-то вам хватит. По крайней мере на то время, пока я буду в больнице.

Она откинулась на подушки и прикрыла глаза. Я встал.

— Ладно, — сказал я. — А когда ты ложишься в больницу?

— Через неделю или две, не раньше, — ответила она, не открывая глаз. И, когда я уже стоял

в дверях, добавила: — Думаю, чем быстрее, тем лучше.

— Ага.

Она открыла глаза. Я стоял у двери, готовый уйти.

— Как же я устала, — сказала она. — Как устала лежать и ничего не делать изо дня в день.

А три дня спустя она умерла. Это обнаружила Джули, когда вернулась из школы в пятницу, в последний день перед каникулами. Сью водила Тома в бассейн, а я вернулся на несколько минут позже Джули. Подходя к дому, я увидел, что Джули смотрит на меня из окна маминой спальни, но мы не поздоровались и не помахали друг другу. Я не стал сразу подниматься наверх: сначала скинул пиджак и ботинки и, зайдя на кухню, налил себе из-под крана холодной воды. Заглянул в холодильник в поисках съестного, нашел там кусок сыра и сжевал его с яблоком.

В доме было очень тихо, и меня угнетала мысль о том, что впереди несколько тоскливых недель. Работу я еще не нашел, да, честно сказать, и не искал. Хоть это было и не в моих привычках, я решил зайти наверх поздороваться с матерью. Джули стояла перед дверью маминой спальни. Увидев меня, она захлопнула дверь и заперла ее

на ключ, затем повернулась ко мне, сжимая ключ в кулаке. Я заметил, что она дрожит.

— Она умерла, — ровным голосом сказала Джули.

— Как умерла? Откуда ты знаешь?

— Она умирала уже несколько месяцев. — И Джули подтолкнула меня к лестнице. — Не хотела, чтобы ты знал.

«Кто не хотела?» — глупо подумал я.

— Я хочу посмотреть, — сказал я. — Дай мне ключ. Джули покачала головой:

— Пойдем лучше вниз и поговорим, пока не вернулись Том и Сью.

На миг я подумал о том, чтобы отнять у нее ключ, но затем повернулся и пошел вниз следом за сестрой. Голова у меня кружилась, и горло щекотал кощунственный смешок.

5

Когда я вошел в кухню, Джули, стянув волосы в хвост, стояла у раковины со скрещенными руками на груди, опираясь на одну ногу и выставив колено вперед.

— Где ты был? — спросила она.

Я не понял, о чем она спрашивает.

— Я хочу посмотреть, — сказал я.

Джули молча покачала головой.

— Мы оба теперь за старших, — продолжал я, обходя кухонный стол. — Она так сказала.

— Она умерла, — сказала Джули. — Сядь. Ты что, не понял? Она умерла.

Я сел.

— Я теперь тоже за старшего! — сказал я.

И разревелся, потому что почувствовал себя обманутым. Мать ушла, ничего не объяснив Джули. И ушла не в больницу, а навсегда, и теперь уже ничего не докажешь. В какое-то мгновение я понял: она вправду умерла, и что-то сжало мне горло, и плач стал сухим и болезненным. Но в следующий миг я подумал: вот сидит мальчик, у которого умерла мать, — и слезы вновь полились легко и свободно. Джули положила руку мне на

плечо. Едва почувствовав это, я вдруг увидел нас со стороны, словно картину в раме кухонного окна: один сидит и плачет, другая стоит и утешает его, и на какие-то полсекунды задумался о том, который из этих двух — я. Казалось, это кто-то другой рыдает рядом со мной. Я не знал, с какими чувствами Джули положила руку мне на плечо — с нежностью, с нетерпением, или же, быть может, она совсем и не думает обо мне. По ощущению от руки этого нельзя было понять. От этой неуверенности я перестал плакать и повернулся, чтобы взглянуть ей в лицо, но она уже отошла и снова заняла свое место у раковины.

— Скоро придут Том и Сью, — сказала она.

Я вытер лицо и высморкался в кухонное полотенце.

— Надо будет сказать им, как только они придут.

Я кивнул, и около получаса мы провели на кухне в молчании.

Пришла Сью. Джули сообщила ей новости, и обе, рыдая, кинулись друг другу в объятия. Тома все не было. Я не сводил глаз с плачущих сестер; мне казалось, что будет невежливо смотреть куда-то еще. Мне в их горе не было места — впрочем, я и не рвался к ним присоединяться. В

какой-то момент я положил руку на плечо Сью, как Джули — на мое плечо, но ни та ни другая, поглощенные собой и друг другом, словно борцы в клинче, меня не заметили. Сквозь слезы они бормотали какую-то бессвязицу — то ли друг дружке, то ли самим себе. Хотелось бы и мне забыться в горе так же, как они, но меня не оставляло ощущение, что за мной кто-то наблюдает, и все хотелось пойти взглянуть на себя в зеркало. Вбежал Том, девочки оторвались друг от друга и повернулись к нему. Он потребовал лимонада, выпил и убежал, а мы со Сью пошли вслед за Джули наверх. Пока перед дверями маминой спальни она возилась с ключом, мне вдруг представилось, что мы со Сью — супружеская пара, остановившаяся на ночь в гостинице, и ждем, пока отопрут наш номер. Я громко рыгнул, Сью хихикнула, а Джули шикнула на нас обоих.

Занавески были не задернуты — «чтобы не вызывать подозрений», объяснила потом Джули, — и спальню заливал солнечный свет. Мама лежала на подушках, руки ее скрывались под одеялом. Я думал, что она будет смотреть широко открытыми глазами в потолок, как мертвецы в кино, но глаза ее были полуприкрыты, словно она собиралась вздремнуть. На полу у кровати

лежали ее книги и журналы, на прикроватной тумбочке все еще тикал будильник, стоял стакан с водой и лежал апельсин. Мы со Сью встали в изножье кровати, а Джули, взявшись за одеяло, попыталась накрыть им мамино лицо. Одеяло зацепилось за что-то и не поддавалось, потом дернулось и рывком поползло вверх, обнажив босые ноги матери — синевато-белые, с растопыренными пальцами. Мы со Сью снова хихикнули. Джули натянула одеяло на ноги, но тут наружу снова вылезла мамина голова. Теперь мы оба смеялись вовсю. Смеялась и Джули — сквозь стиснутые зубы, содрогаясь всем телом. Наконец она сумела накрыть маму полностью, отошла и встала рядом с нами. Одеяло окутало маму, словно статую, сквозь него прорисовывались очертания головы и плечей.

— Выглядит просто смешно, — сказала Сью.

— Ничего смешного! — отрезала Джули.

Сью потянулась вперед, чтобы откинуть одеяло и посмотреть на маму, но Джули ударила ее по руке и крикнула:

— Не трогай!

В этот миг позади нас распахнулась дверь и в спальню влетел Том, раскрасневшийся и запыхавшийся, — он был прямо с улицы.

Мы с Джули почти машинально схватили его за руки.

— Я хочу к маме! — потребовал он.

— Мама спит, — прошипели мы хором, — смотри, она спит!

Том, извернувшись, вырвался из наших рук.

— А почему вы тогда кричите? Ничего она не спит, правда, мам?

— Она спит очень-очень крепко, — попыталась объяснить Сью.

На миг мне подумалось, что так мы сможем объяснить Тому, что произошло, смерть — это просто очень глубокий сон. Но сами мы знали об этом не больше Тома, и он сразу почувствовал, что что-то не так.

— Мам! — завопил он и рванулся к кровати.

Я схватил его за руки.

— Нельзя! — сказал я.

Том пнул меня ногой, высвободился и проскользнул мимо Джули к изголовью кровати. Здесь он потерял равновесие, едва не упал, оперся о мамино плечо, скинул ботинки и бросил на нас торжествующий взгляд. Такие сцены случались и раньше, и порой Тому удавалось добиться своего. Я уже не рвался его оттаскивать: ладно, пусть сам все поймет, думал я, — мне просто было интерес-

но, как это случится. Но едва Том откинул одеяло и полез к матери на кровать, Джули бросилась вперед и схватила его за плечо.

— Пойдем, — мягко проговорила она и потянула его с кровати.

— Не хочу! — взвыл, как обычно, Том и схватился за рукав маминой ночной рубашки.

Джули потянула сильнее, мама каким-то жутким, деревянным движением перевернулась на бок. Голова ее стукнулась о тумбочку, будильник и стакан с водой слетели на пол. Мамина голова повисла между кроватью и тумбочкой, и теперь мы увидели одну ее руку. Том умолк, застыл и безропотно, как слепой, позволил Джули увести себя прочь. Ушла и Сью — я не заметил когда. Я помедлил с минуту, думая, что, наверное, надо уложить тело на спину и прикрыть одеялом, как было. Я даже шагнул вперед, но мысль о том, что придется к ней прикоснуться, наполнила меня ужасом. Я выбежал из спальни, захлопнул за собой дверь, запер ее и сунул ключ в карман.

Том плакал, пока не уснул на диване внизу. Мы укрыли его полотенцем — подниматься наверх за одеялом никому не хотелось. Остаток вечера мы провели в гостиной, почти не разговаривая. Раз или два Сью начинала плакать и останавли-

валась, словно плач требовал от нее слишком больших усилий.

— Наверное, она умерла во сне, — произнесла Джули.

Мы со Сью кивнули, и пару минут спустя Сью прибавила:

— Значит, ей было не больно.

Теперь мы с Джули что-то пробормотали в знак согласия.

После долгого молчания я спросил:

— Есть не хотите?

Обе помотали головами. Я умирал от голода, но не хотел ужинать в одиночку — мне сейчас не хотелось ничего делать одному. Наконец они согласились что-нибудь съесть, и я принес хлеб, масло, мармелад и две пинты молока. За едой наконец завязался разговор. Джули сказала, что все узнала за две недели до моего дня рождения.

— Это когда ты стояла на руках, — сказал я.

— А ты пел «Зеленые рукава», — подхватила Сью. — А я что делала?

Этого мы не помнили, и Сью повторяла:

— Но я же помню, я тоже что-то сделала!

Пока я не сказал ей:

— Ну ладно, хватит.

Вскоре после полуночи наше маленькое стадо

поднялось наверх. Джули шла первой, я нес на руках Тома. На первом этаже мы остановились, сгрудились в кучку и постарались побыстрее и потише проскользнуть мимо маминой двери. Было так тихо, что, казалось, можно расслышать тиканье будильника, и я радовался, что дверь заперта. Мы уложили Тома в постель — он даже не проснулся. Девочки по молчаливому обоюдному согласию легли в одной спальне. Я ушел к себе, лег в кровать и с полчаса вертелся с боку на бок, пытаясь прогнать одолевающие меня мысли и картины. Наконец я отправился в спальню к Тому, взял его на руки и понес к себе. В спальне Джули все еще горел свет. Я уложил брата к себе в постель, обнял его и заснул.

Вечером следующего дня Сью спросила:

— Наверное, надо кому-то рассказать?

Мы сидели вокруг каменной горки. Весь день мы провели в саду: жара стояла страшная, к тому же нас пугал дом за нашими спинами, хмурый фасад которого словно окутывала уже не задумчивость, а тяжелый сон. С утра мы поругались из-за купальника Джули. Сью считала, что после всего случившегося нехорошо загорать в купальнике.

— Какая разница, — сказал я.

Сью сказала:

— Раз Джули надела купальник, значит, ей наплевать, что мама умерла.

Том снова заревел, а Джули вернулась в дом и переоделась. Я весь день листал старые комиксы, свои и Тома. Порой мне казалось, что мы сидим в ожидании чего-то ужасного, и тут же я вспоминал, что ужасное уже случилось. Сью листала свои книжки, иногда принимаясь тихо всхлипывать. Джули, сидя на верху горки, собирала в горсть камешки, подбрасывала их и ловила. Ее раздражал Том: он то хныкал и требовал внимания, то принимался играть, как будто ничего не случилось. Один раз попытался забраться к Джули на колени, и я услышал, как, сталкивая его, она говорит тихо: «Уйди. Пожалуйста, уйди!» Тогда я подозвал его к себе и стал читать ему вслух комикс.

Когда Сью задала этот вопрос, Джули быстро подняла на нее глаза и отвернулась.

— Если мы кому-нибудь скажем… — начал я и замолчал.

— Надо сказать, чтобы ее похоронили, — сказала Сью.

Я покосился на Джули. Она смотрела мимо нас, мимо сада — вдаль, через пустырь, на квартал блочных многоэтажек.

— Если мы кому-нибудь скажем, — снова заговорил я, — то нас заберут под опеку и отправят в приют или еще куда-нибудь. А Тома вообще могут усыновить. — И я сделал драматическую паузу.

— Не может быть! — в ужасе проговорила Сью.

— Дом останется без присмотра, — продолжал я, — сюда залезут воры и все вынесут.

— Но если мы никому не скажем, — нерешительно проговорила Сью, — что же нам тогда с этим делать? — И она слабо махнула рукой в сторону дома.

Я покосился на Джули и заговорил громче:

— Придут ребята из многоэтажек, залезут в дом и все здесь разнесут.

Джули, не поворачивая головы, бросила свои камешки через забор.

— Нельзя оставлять ее в спальне, — сказала она. — Она скоро начнет пахнуть.

— Какие ты гадости говоришь! — возмутилась Сью.

— Значит, ты считаешь, не надо никому говорить? — спросил я у Джули.

Не отвечая, она соскользнула с горки и пошла к дому. Сквозь кухонное окно я видел, как она вошла, повернула кран и сунула голову под холодную воду. Долго, несколько минут, стояла

так, затем выключила воду, вытерла полотенцем мокрое лицо и волосы. Вернулась к нам. На голых плечах ее блестели капельки воды. Снова сев на горку, она сказала:

— Если мы решим никому не говорить, значит, нам придется все сделать самим. И быстро.

— Что же мы можем сделать? — со слезами в голосе спросила Сью.

Джули немного помолчала, подкидывая на ладони камешки, затем ответила очень тихо:

— Похоронить ее, разумеется.

Она очень старалась держаться, но голос у нее дрожал.

— Точно, — согласился я, содрогаясь от ужаса. — Сью, мы ведь можем устроить тайные похороны!

Теперь моя младшая сестренка рыдала в голос. Джули обняла ее за плечи и бросила на меня укоризненный взгляд. Разозлившись на них обеих, я вскочил и пошел искать Тома.

Брата я нашел перед домом, у ворот: он вместе с другим мальчиком играл на куче песка. Они рыли в песке сложную систему тоннелей шириной с кулак.

При моем приближении приятель Тома покосился на меня и проговорил насмешливо:

— А вот он говорит, что у него вчера мама умер-

ла! Врет, правда?

— Нет, не врет, — ответил я. — Она и моя мама тоже. И она правда вчера умерла.

— Ну вот, получил? — торжествующе воскликнул Том, погружая обе руки в песок.

Его приятель на секунду задумался.

— Ага, значит, у тебя теперь нет мамы. А у меня есть!

— А мне плевать, — пробормотал Том и углубился в свой тоннель.

— У него умерла, а у меня нет! — повторил его приятель, уже мне.

— И что? — спросил я.

— У меня есть мама, а у него нет! — выкрикнул мальчишка. — У меня есть, а у него нет!

Я состроил сурово-скорбное лицо, опустился на колени в песок и сочувственно положил руку мальчишке на плечо.

— Я тебе сейчас кое-что скажу, — негромко начал я. — Я только что был у тебя дома, и твой папа мне рассказал. Твоя мама умерла. Она пошла тебя искать, и ее сбила машина.

— Что, получил? У тебя тоже нет мамы! — фыркнул Том.

— Неправда, есть! — прошептал мальчик.

— Точно тебе говорю! — прошипел я. — Я только

что оттуда. Твой папа очень расстроен и страшно на тебя сердится. Твою маму сбила машина, потому что она пошла тебя искать.

Мальчишка вскочил. От лица его отхлынула кровь.

— На твоем месте я бы домой не возвращался, — продолжал я. — Отец тебя просто убьет!

Парень вскочил и бросился бежать к нашему дому, затем, вспомнив, круто развернулся и кинулся назад, начиная реветь на бегу.

— Ты куда? — крикнул Том.

Но его друг, не останавливаясь, затряс головой. Скоро он скрылся из виду.

Когда стемнело и все мы вернулись домой, Том снова сделался испуганным и несчастным. Он заревел, когда мы попытались уложить его в постель, и нам пришлось оставить его внизу, надеясь, что скоро он сам заснет на диване. Он хныкал и ревел из-за каждого пустяка, и нам никак не удавалось заговорить о том, что же теперь делать. В конце концов пришлось начать разговор прямо у него над головой, на повышенных тонах, чтобы перекричать его вопли. Пока Том орал и топал ногами из-за того, что у нас кончился апельсиновый лимонад, а Сью пыталась его утихомирить, я быстро спросил Джули:

— Где мы ее закопаем?

Она что-то ответила, но вопли Тома заглушили ее голос, и мне пришлось переспросить.

— В саду, под каменной горкой! — повторила она.

Позже Том заплакал снова — на этот раз просто по матери, — и, успокаивая его, я видел, как Джули что-то говорит Сью, а та кивает и трет глаза. Я старался отвлечь Тома разговором про его тоннели в песке, и вдруг мне пришла идея. Я сбился с мысли, замолчал, и Том тут же завопил еще громче. Он заснул лишь после полуночи, и только тогда я смог рассказать сестрам, что пришло мне в голову.

— Хоронить в саду — не слишком хорошая идея, — сказал я. — Придется копать глубокую яму, это займет много времени. Если делать это днем, кто-нибудь может нас увидеть, а если ночью — понадобятся факелы, и из многоэтажек увидят свет. И потом, как скрыть все это от Тома?

Тут я умолк, чтобы насладиться произведенным эффектом. Несмотря ни на что, я наслаждался собой. Меня всегда восхищали гениальные преступники в кино — элегантные джентльмены, с изящным безразличием обсуждающие идеаль-

ный способ убийства. Я нащупал в кармане ключ от спальни, и на миг к горлу подступила тошнота, но я уверенно договорил:

— И разумеется, если все выйдет наружу, полиция первым делом перекопает весь сад. В газетах о таких вещах каждый день пишут.

Джули смотрела на меня очень внимательно, кажется, она наконец начала принимать меня всерьез. Когда я закончил, она спросила:

— И что же делать?

Сью мы оставили с Томом на кухне. Моя идея не рассердила ее и не испугала: кажется, ей было уже все равно. Она только устало качала головой, словно скорбная старуха. Снаружи ярко светила луна, и мы быстро нашли тачку и лопату. Подкатили тачку к воротам, наполнили песком, отвезли к угольной яме и сбросили в подвал — и так шесть раз. Затем немного поспорили из-за воды: я говорил, что воду придется носить в подвал ведрами, а Джули возражала, что где-то там есть кран. Действительно, кран нашелся в той кладовке, где были свалены старая одежда и игрушки. До спальни отсюда было далеко, так что в подвале я чувствовал себя спокойнее, чем в доме. Мне смутно казалось, что кидать песок и смешивать цемент — моя работа, но Джули уже

взяла лопату и, не успел я опомниться, соорудила песочную горку. Затем вскрыла один из мешков с цементом и остановилась, ожидая, что я подолью воды. Работала она удивительно быстро: через несколько минут песок и цемент смешались в густую серую грязь. Я поднял крышку огромного оловянного сундука, и Джули принялась лопатой кидать цемент туда. Он лег на дно слоем дюймов в пять. Мы решили сделать еще порцию, побольше: теперь я смешивал, а Джули подливала воды. В этот момент я не задумывался о том, что и зачем делаю. Смешивать цемент — самое обычное дело, ничего такого в этом нет.

Вот и вторая порция легла в сундук: мы работали уже три часа. Мы поднялись на кухню попить воды. Сью спала в кресле, а Том — лицом вниз на диване. Мы накрыли Сью пальто и вернулись в подвал. Сундук был уже наполовину полон. Мы решили, что, прежде чем класть ее сюда, заготовим побольше цемента. На этот раз работа шла медленно. Кончился песок, и нам пришлось снова идти к воротам — вдвоем, поскольку лопата-то была всего одна. Небо на востоке уже серело. Мы сделали пять ходок с тачкой.

— Интересно, — сказал я, — что мы скажем Тому, когда он выйдет поиграть и увидит, что от

его кучи песка ничего не осталось.

— Скажем, налетел ветер и унес весь песок, — ответила Джули, и оба мы устало засмеялись.

Закончили мы уже в пять часов утра. Последний час работали, не глядя друг на друга и не обменявшись ни словом. Я достал из кармана ключ, и Джули сказала:

— Надо же, я думала, что потеряла его. А он, оказывается, все это время был у тебя.

Мы поднялись на кухню, отдохнули, попили еще воды. В гостиной отодвинули к стенкам кое-какую мебель, распахнули дверь и подперли ее ботинком. Наверху я повернул ключ в замке и толкнул дверь, но первой в комнату вошла Джули. Хотела включить свет, потом передумала. Голубовато-серый полумрак придавал спальне какой-то плоский двухмерный вид, словно на старой фотографии. На кровать я старался не смотреть. Воздух здесь был влажный, затхлый, словно несколько человек спали в комнате, не открывая окон, и поверх этой затхлости плыл слабый и острый запах, ощущавшийся в самом конце вдоха. Я старался дышать часто и неглубоко. Она лежала так же, как мы ее оставили, — тот же образ, что являлся мне всякий раз, стоило закрыть глаза. Джули стояла в изножье кровати,

обхватив себя руками. Я подошел ближе и тут же понял, что не смогу поднять маму, просто не смогу к ней прикоснуться. Я ждал, что будет делать Джули, но она не шевелилась.

— У нас ничего не выйдет, — сказал я.

Джули заговорила быстро, высоким напряженным голосом, с какими-то театрально-бодрыми нотками:

— Все нормально. Сейчас завернем ее в одеяло, и все будет нормально. Просто пойдем и все быстро сделаем. Все будет нормально. — Но, сказав это, она не двинулась с места.

Я присел за стол, спиной к постели. Джули вдруг разозлилась.

— Ну да, — быстро сказала она, — давай, свали все на меня. Может быть, сам сделаешь?

— Что сделаю?

— Завернешь ее в одеяло. Ты же все это придумал, так?

Глаза у меня слипались от усталости. Я прикрыл их и тут же ощутил, что падаю. Я схватился за край стола и встал.

— Вот что: давай расстелем одеяло на полу и положим ее на него, — уже мягче сказала Джули.

Я шагнул к матери, стянул с нее одеяло и начал расстилать его на полу. Оно ложилось медленно,

лениво, словно во сне, со множеством складок и загнутых углов, которые мне пришлось расправлять, ползая по полу. Затем я взял мать за плечи и, прикрыв глаза и стараясь не смотреть ей в лицо, уложил ее обратно на кровать. Казалось, что она сопротивляется, мне пришлось надавить ей на плечи обеими руками. Теперь она лежала на спине: руки изогнуты под странными углами, тело перекручено — так же, как было позавчера. Джули взяла ее за ноги, а я — под мышки. На одеяле у наших ног она выглядела такой слабой и жалкой, как птичка со сломанным крылом, что впервые за эти дни я заплакал не о себе, а о ней. На кровати после нее осталось большое коричневое пятно, уже начавшее желтеть по краям. Джули, тоже со слезами на глазах, опустилась на колени по другую сторону ее тела, и вместе мы стали заворачивать маму в одеяло. Это оказалось нелегко — в слишком неестественной позе она лежала.

— Не получается! — выдохнула в изнеможении Джули.

В конце концов нам удалось кое-как несколько раз обернуть одеяло вокруг нее. Теперь, когда мы ее не видели, стало немного легче. Мы подняли ее и понесли прочь из спальни.

По лестнице мы спускали ее медленно, ступенька за ступенькой, а внизу, в холле, остановились, чтобы поправить сбившееся одеяло. От напряжения у меня болели руки. Мы не произносили ни слова, но и так было понятно, что через гостиную ее лучше пронести не останавливаясь. Уже у двери в кухню я взглянул налево, туда, где спала Сью, и увидел, что она не спит, а сидит, прижимая пальто к груди, и смотрит на нас. Я хотел что-то ей сказать, но не успел придумать что — мы уже прошли через кухню, уже спускались в подвал. Здесь, в нескольких футах от сундука, мы наконец опустили ее на пол. Я налил в ведро воды, чтобы увлажнить нашу гору цемента. Поднял голову и увидел, что Сью стоит в дверях. На миг мне показалось, что она хочет нас остановить, но, когда мы с Джули снова взяли мать за плечи и за ноги, Сью молча подошла, встала между нами и взялась за тело посередине. Уложить маму было нелегко — выгнутая и перекрученная, она едва уместилась в сундук, на дюйм или два погрузившись в цемент. Я хотел взяться за лопату, но ее уже держала Джули. Когда она бросила маме на ноги первую порцию цемента, Сью громко всхлипнула. А затем, когда Джули снова наполнила лопату, Сью бросилась к цементной горке,

захватила в обе горсти столько цемента, сколько могла удержать, и тоже бросила в сундук. И снова, и снова — не останавливаясь, так быстро, как только могла. Джули тоже все быстрее работала лопатой, швыряя в сундук новые порции цемента и бегом возвращаясь за следующими. И я погружал руки в цемент и бросал в сундук пригоршни серой грязи. Мы работали как одержимые. Скоро сквозь цемент виднелось лишь несколько белых клочков одеяла, а через несколько минут исчезли и они. Но мы не останавливались. Слышался лишь скрежет лопаты и наше тяжелое дыхание. Наконец от горки цемента не осталось ничего, кроме влажного пятна на полу, а сундук был полон до краев. Прежде чем подняться наверх, мы немного постояли вокруг него, глядя на то, что сделали, и восстанавливая дыхание. Крышку сундука мы решили не закрывать, чтобы цемент затвердел быстрее.

Часть вторая

6

За два или три года до смерти моего отца родители ходили однажды на похороны кого-то из последних оставшихся родственников. Кажется, это была мамина тетка или, может быть, папина. А может быть, и дядя. Сколько мне помнится, родители даже не сказали нам, кто умер, возможно, потому, что эта смерть почти ничего для них не значила. А для нас, детей, она, разумеется, не значила и вовсе ничего. Куда больше интересовало нас то, что мы останемся дома одни на целый день и будем отвечать за Тома. К этому испытанию мама начала нас готовить за несколько дней. Сказала, что оставит на плите для нас обед и мы, если захотим есть, должны будем его разогреть. Показала каждому из нас по очереди — Джули, Сью и мне, — как включать и выключать плиту, заставила каждого пообещать по три раза проверять, что она выключена. Потом передумала и сказала, что приготовит холодный обед. И снова передумала: нет, сейчас зима, детям нельзя оставаться без горячего. Папа, в свою очередь, объяснял нам, что делать, если кто-нибудь постучит в дверь (хотя в дверь нам, разумеется,

никто никогда не стучал). И что делать, если начнется пожар. Не оставаться дома, не пытаться потушить огонь, а бежать к телефонной будке и звонить пожарным и ни в коем случае не забыть Тома. Еще нам нельзя играть в подвале, нельзя включать утюг, нельзя совать пальцы в розетки. А когда поведем Тома в туалет, оставаться рядом и глаз с него не спускать.

Все эти инструкции нам пришлось повторять много раз, пока мы не доказали, что выучили их наизусть. А потом родители, одетые в черное, вышли из дома и отправились на автобусную остановку. Мы стояли в дверях, глядя им вслед. Через каждые несколько ярдов они останавливались и тревожно махали нам руками, а мы радостно махали им в ответ. Когда они скрылись из виду, Джули захлопнула дверь ногой, издала вопль восторга и, разворачиваясь, плавным и сильным движением пнула меня под ребра. Я отлетел к стене, а Джули, прыгая через три ступеньки, взлетела на лестничную площадку и торжествующе захохотала оттуда. Мы со Сью бросились за ней, и в спальне началась роскошная, самозабвенная драка подушками. Чуть позже я соорудил на лестничной площадке баррикаду из кресел и матрасов, а сестры принялись штур-

мовать ее снизу. Сью кинула в меня воздушный шарик, наполненный водой. Том внизу прыгал и вопил от восторга. Часом позже от перевозбуждения он обкакался, резкая вонь поплыла наверх и прервала нашу битву. Джули и Сью нашли себе отмазку — заявили, что раз я мальчик, то раздевать Тома должен я. Я попытался воззвать к той же логике: возиться с малышами, заявил я, женское дело. Так и не придя ни к какому решению, мы возобновили бой. Скоро Том принялся реветь. Нам снова пришлось прерваться. Мы отнесли его в спальню, уложили в детскую кроватку, а Джули натянула на него ходунки и привязала их к кровати. Теперь Том вопил оглушительно, покраснев от натуги. Мы подняли стенки кровати и бросились прочь подальше от запаха и от этих воплей. Захлопнув дверь спальни, мы уже почти ничего не слышали и могли спокойно продолжать свои игры.

Длилось это всего каких-то несколько часов, но для меня стало каким-то символом нашего детства. За полчаса до возвращения родителей мы принялись убираться, хихикая при мысли о том, что будет, если нас застукают. Отвязали, вымыли и переодели Тома. Нашли обед, который совсем забыли съесть, и выкинули его в туалет.

Весь вечер переглядывались и хихикали, вспоминая наш общий секрет. А вечером, переодевшись в пижамы, собрались в спальне Джули и долго болтали о том, как мы сегодня повеселились и как здорово было бы как-нибудь повторить еще.

И теперь, когда мама умерла, под спудом прочих моих чувств таилось еще одно, в котором я не хотел признаваться даже самому себе, пришедшее из того опыта пятилетней давности, — чувство свободы и жажда приключений. Только восторга теперь не было.

Дни тянулись бесконечно, стояла жара, дом как будто погрузился в сон. Мы больше не сидели в саду: дул ветер и нес со стороны многоэтажек и асфальтовых дорог между ними черную пыль. И солнца не было, несмотря на жару: небо застилало какое-то желтое марево, и все вокруг казалось выцветшим, мелким и незначительным. Доволен был только Том — по крайней мере, днем. У него был приятель, тот, с которым он играл на куче песка. Правда, песка больше не было, но Том этого как будто не заметил, и тот, другой мальчишка ни разу не упомянул о байке, что я ему рассказал. Они играли дальше по дороге, в брошенных домах или возле них. По вечерам, когда его друг уходил домой, Том становился раздражительным

и плаксивым. Требуя внимания, он приставал к Джули и выводил ее из себя.

— Отстань от меня! — кричала она. — Том, оставь меня в покое хоть на минуту!

Но это не слишком помогало. Том вбил себе в голову, что теперь заботиться о нем должна Джули. Он таскался за ней по пятам, а когда мы со Сью пытались его отвлечь, не обращал на нас внимания. Однажды в самом начале вечера, когда Том вывел Джули из себя своими приставаниями, она схватила его и начала раздевать.

— Ладно, — приговаривала она, — ты этого добился! Сейчас ты свое получишь!

— Что ты с ним делаешь? — громко, перекрикивая вопли Тома, спросила Сью.

— Если хочет, чтобы я была ему мамочкой, — крикнула в ответ Джули, — пусть делает то, что я говорю! Сейчас он пойдет спать!

Времени было часов пять, не больше. Джули раздела рыдающего Тома и утащила его в ванную, некоторое время оттуда доносились крик и плеск воды. Десять минут спустя Том, уже в пижаме, притихший и покорный, позволил Джули увести себя наверх, в спальню. Спустившись оттуда, она отряхнула ладони от воображаемой пыли и широко улыбнулась.

— Вот что ему было нужно! — объявила она.

— Да уж, командовать ты умеешь! — проворчал я.

Прозвучало это, пожалуй, чуть ядовитее, чем следовало, и Джули отвесила мне шутливый пинок.

— Следи за собой, — предупредила она, — а то станешь следующим!

Закончив в подвале, мы с Джули сразу отправились спать. Поскольку Сью часть ночи проспала, она не стала ложиться и днем присматривала за Томом. Я проснулся часов в пять: было жарко и очень хотелось пить. Внизу никого не было, но откуда-то с улицы доносился голос Тома. Я нагнулся к кухонной раковине, чтобы попить из крана, и тучи мух загудели вокруг моего лица. Шел я на цыпочках и осторожно, потому что возле раковины была разлита лужа чего-то желтого — должно быть, апельсинового сока. Еще не совсем проснувшись, я побрел наверх, в комнату Сью. Она сидела на кровати, прислонившись спиной к стене и подтянув колени к груди. На коленях лежала раскрытая тетрадка. Когда я вошел, она бросила карандаш и захлопнула тетрадь. В комнате было душно, словно Сью просидела здесь уже несколько часов. Я присел

на край кровати, поближе к ней. Мне хотелось о чем-нибудь поговорить, только не о вчерашней ночи. Хотелось, чтобы кто-нибудь погладил меня по голове. Но она поджала губы, словно твердо решив не начинать разговор первой.

— Что это ты делаешь? — спросил я наконец, заглядывая к ней в тетрадь.

— Ничего, — быстро ответила она, — просто пишу. — И обеими руками прижала тетрадку к животу.

— А что ты пишешь?

Она вздохнула:

— Ничего. Просто пишу.

Я выхватил у нее тетрадку, повернулся к Сью спиной и раскрыл. Прежде чем она загородила листок рукой, я успел прочесть: «Дорогая мамочка, сегодня вторник…»

— Отдай! — вскрикнула Сью, и в голосе ее послышалась такая неожиданная, незнакомая ярость, что я позволил ей отобрать у меня тетрадку.

Сью сунула ее под подушку и села на край кровати, уставившись в стену. На багрово-красном лице ее резко выделялись веснушки, на виске сердито билась синяя жилка. Я пожал плечами и пошел к дверям. Она не поднимала глаз. Едва я

вышел, бросилась к двери, захлопнула ее за мной и заперла. Из-за запертой двери послышались рыдания. Я постучал и окликнул ее, она дрожащим голосом потребовала, чтобы я убирался. Так я и сделал — отправился в ванную и смыл с рук засохший цемент.

С неделю после погребения мы не готовили еду. Джули отправилась на почту за деньгами и явилась домой с двумя сумками продуктов, но мясо и овощи лежали нетронутыми, пока не пришлось их выбросить. Вместо них мы ели бутерброды с сыром, бутерброды с арахисовым маслом, печенье и фрукты. Том налегал на шоколадные батончики — кажется, почти ими одними и питался. Порой кому-то приходило настроение сделать чай, и мы пили чай, но чаще обходились водой из-под крана. В тот же день, вернувшись с покупками, Джули выдала мне и Сью по два фунта.

— А себе ты сколько взяла? — спросил я.

Она захлопнула кошелек:

— Столько же, сколько и вам. А остальное — на еду и прочие покупки.

Не прошло и нескольких дней, как из кухни начало распространяться зловоние и появились тучи мух. Делать нам ничего не хотелось, мы про-

сто плотно закрывали дверь в кухню. Для работы было слишком жарко. Потом кто-то (не знаю кто — не я) выкинул мясо. Меня это приободрило: в тот же день я вымыл несколько молочных бутылок, выбросил обертку из-под мяса и прихлопнул с дюжину мух. Вечером, когда Джули и Сью сказали, что надо наконец прибраться на кухне, я гордо ответил:

— Я сегодня вон сколько всего убрал, а вы и не заметили!

В ответ они расхохотались.

— Что же ты убрал? — спросила Сью.

Я объяснил, и они снова засмеялись — громко и обидно.

— Да уж, он свою норму выполнил! — говорили они друг дружке. — Теперь две недели может отдыхать!

Я обиделся и объявил, что больше на кухне ничего делать не буду; тогда Джули и Сью тоже решили ничего не делать. Убраться на кухне нам пришлось-таки только несколько дней спустя, когда мы наконец начали готовить еду. А тем временем в доме и вокруг него страшно расплодились мухи: они тучами висели у окон и беспрерывно с жужжанием бились в стекла.

Я онанировал каждый день по два-три раза, а в

остальное время бродил из комнаты в комнату, порой сам поражаясь тому, что хотел, например, пойти в сад, но оказывался в собственной спальне, на кровати, глядя в потолок. Подолгу рассматривал себя в зеркало. Что со мной? Старался испугаться своего отражения, но ощущал лишь отвращение и скуку. Подолгу стоял посреди комнаты, прислушиваясь к отдаленному, почти неслышному шуму машин, а затем — к крикам детей на улице. Эти звуки смешивались, сливались в один и давили мне на макушку. Снова ложился на кровать, закрывал глаза, твердо решив не двигаться, даже когда по моему лицу принималась ползать муха. Лежать было нестерпимо, но еще большим отвращением наполняла меня мысль о любой деятельности. Чтобы хоть как-то взбодриться, напоминал себе, что внизу лежит мать, но это тоже меня не волновало. Тогда я вставал, подходил к окну и подолгу смотрел на пожухлую траву и на далекие блеклые башни многоэтажек. Снова выходил из спальни — посмотреть, не вернулась ли Джули. В последнее время она часто исчезала из дома, иногда — на несколько часов. Когда я спрашивал, где она была, отвечала, чтобы я занимался своими делами. Вот и в этот раз ее не было, а Сью опять заперлась у себя. Когда я

стучался, она спрашивала, что мне нужно, и я не знал, что ответить. Тут мне вспомнилось, что у меня есть два фунта. Я вышел на задний двор и перелез через забор, чтобы меня не увидел Том и не увязался за мной. Сам не зная, чего хочу, я бегом побежал к магазинам.

Я понятия не имел, что буду покупать. Но думал: когда зайду в магазин, там пойму, что мне нужно. И пусть даже мне не хватит двух фунтов — по крайней мере, появится что-то, чего можно хотеть, чем можно занять мысли. Всю дорогу я бежал бегом. Улица оказалась пуста, магазины закрыты, лишь изредка проезжали машины. Неудивительно: было воскресенье. Посредине пешеходного мостика, перекинутого через дорогу, я увидел женщину в красном плаще и спросил себя, зачем она надела плащ в такую жару. А она, должно быть, удивилась тому, что я бегу, потому что повернула голову в мою сторону. Стояла она довольно далеко, и я не мог как следует ее разглядеть, но почувствовал что-то смутно знакомое в ней. Может быть, учительница из моей школы? Я продолжал идти к мосту, потому что не хотел так быстро возвращаться домой. На ходу не отрывал глаз от витрин магазина слева от меня. Здороваться на улице со школьной учи-

тельницей мне не слишком хотелось. Если она не уйдет, может, удастся проскользнуть мимо, сделав вид, что ее не заметил? Но за пятьдесят ярдов от моста я все-таки не выдержал и поднял глаза. Это была моя мать, и смотрела она прямо на меня. Я остановился. Она переступила с ноги на ногу, но не тронулась с места. Я пошел дальше, с трудом передвигая ноги: сердце отчаянно билось и к горлу подступала тошнота. Почти у самого моста я остановился и снова поднял глаза. Тут меня охватило такое облегчение, что я громко рассмеялся. Ну конечно же, это была не мама, а Джули в красном плаще, которого я никогда не видел.

— Джули! — позвал я. — А мне показалось, что ты…

По деревянным ступеням я взлетел на мостик и оказался рядом с ней. Теперь стало ясно, что это и не Джули. Лицо у нее было изможденное, вдоль него свисали спутанные седеющие пряди. Сколько ей лет, я понять не мог. Руки она держала глубоко в карманах и слегка покачивалась.

— У меня нет денег, — сказала она. — Не подходи ко мне!

По дороге домой скука и отупение ко мне вернулись, и событие дня потеряло свою значи-

тельность. Я прошел прямо в спальню, никого не встретив и не услышав, однако с твердой уверенностью, что все дома. В спальне я разделся и залез под одеяло. Через некоторое время меня пробудил от тяжелого сна звонкий девичий смех. Двигаться мне не хотелось: я откинул одеяло и прислушался. Снизу доносились голоса Джули и Сью. Каждый взрыв смеха завершался какими-то невнятными словами нараспев, а затем снова начинался смех. Я разозлился из-за того, что меня разбудили. Голову словно стягивал какой-то обруч, мебель в комнате казалась слишком тяжелой, словно ее навеки заперла на своих местах и придавила к полу какая-то неведомая сила. Одежда, которую я собрал с пола и начал натягивать на себя, казалась выкованной из железа. Одевшись, я вышел из спальни и снова прислушался. Теперь слышалось только бормотание одного голоса и скрип кресла. На цыпочках я спустился по лестнице. Мне захотелось пошпионить за сестрами — невидимкой оказаться с ними рядом.

В большом холле внизу было совсем темно, я мог подобраться почти к самым дверям гостиной и остаться незамеченным. Сью я видел ясно: она сидела у стола и что-то резала большими ножницами. Джули, наполовину загороженная

дверным косяком, стояла ко мне спиной. Что она делает, я разглядеть не мог — видел только, как она двигает рукой взад-вперед, и слышал при каждом движении странный и слабый шелестящий звук. Я сделал еще шаг вперед, и тут из-за Джули вышла маленькая девочка и встала у кресла Сью. Джули тоже повернулась, встала позади девочки и положила руку ей на плечо. В другой руке она держала расческу. Так они стояли молча с минуту или больше. Сью чуть повернулась, и я разглядел, что она режет голубую ткань. Девочка прижалась спиной к Джули, а та обняла ее и ласково похлопала расческой по подбородку.

Едва девочка заговорила, я, разумеется, узнал в ней Тома.

— Как долго, правда? — сказал он, и Сью кивнула.

Я сделал еще шаг вперед, потом еще. Меня никто не замечал: Том и Джули не отводили глаз от Сью. Та переделывала одну из своих школьных юбок: укоротила ее и теперь подшивала. Они переодели Тома в оранжевое платьице, которое я как будто уже где-то видел, и бог знает откуда добыли ему парик — белокурый и с кудряшками. Как легко, оказывается, стать кем-то другим.

Я скрестил руки и обхватил себя за плечи. Это

просто платье и парик, думал я, просто Том, переодетый девочкой. Но передо мной стоял совсем другой человек, какая-то чужая девочка, которая просто не могла быть Томом. Это и будоражило, и отталкивало. Я сцепил руки, и это движение привлекло ко мне внимание: все трое обернулись и уставились на меня.

— Чем это вы занимаетесь? — после долгой паузы спросил я.

— Переодеваем Тома, — ответила Сью и снова принялась за шитье.

Том бросил на меня быстрый взгляд, отвернулся к столу и уставился в угол, теребя двумя пальцами кромку своего платья.

— Зачем? — спросил я.

Джули только пожала плечами и улыбнулась. На ней были вытертые джинсы, закатанные выше колен, расстегнутая блузка, а под ней — лифчик от бикини. В волосах — голубая лента. Отрезок такой же ленты она держала в руке, обмотав вокруг пальца.

Она подошла ко мне вплотную.

— Что ты такой мрачный? — сказала она. — Улыбнись, чудо!

От нежной улыбки ее пахло кремом для загара и теплом разогретого тела. Должно быть, весь

день она загорала — не у нас в саду, а где-то еще. Она накинула ленту мне на шею и стала завязывать ее узлом. Я попытался оттолкнуть сестру, но неубедительно: она завязала мне галстук и, взяв за руку, повела к столу.

— Смотри-ка, — сказала она Сью, — еще один не хочет больше быть противным мальчишкой.

Я мог бы снять ленту, но не хотел выпускать руку Джули, сухую и прохладную. Теперь все мы смотрели Сью через плечо. Я и не подозревал, как умело она шьет. Рука ее летала взад-вперед с уверенностью и проворством механического рычага. Однако дело шло медленно, и я ощутил нетерпение. Хотелось одним движением сбросить на пол и шитье, и нитки, и подушечку с иголками. Пока она не закончит, мы не могли ни заговорить, ни сделать что-то еще. Но вот Сью резким движением оборвала висячий конец нитки и встала. Джули отпустила мою руку и встала позади Тома. Он поднял руки, и она сняла с него платье через голову. Под ним обнаружилась его собственная белая рубашка. Сью помогла Тому надеть синюю плиссированную юбочку, а Джули завязала у него на шее школьный галстук Сью. Я наблюдал за этим, нерешительно подергивая свой «галстук». Если я сниму его, то снова пре-

вращусь в зрителя и мне придется решать, как к этому относиться. Том натянул белые носки, а Сью достала свой берет. При этих приготовлениях девчонки смеялись и болтали. Сью рассказывала Джули историю о какой-то своей однокласснице с очень короткой стрижкой. Однажды она пришла в школу в брюках и на перемене зашла в туалет для мальчиков, но, увидев шеренгу ребят у писсуаров, засмеялась и тем себя выдала.

— Правда, он лапочка? — спросила Джули.

Мы любовались на Тома, а он стоял смирно, заложив руки за спину и опустив глаза. Если он и наслаждался переодеванием, то этого не показывал. Он отправился в холл, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Я следил за ним из гостиной: он поворачивался к зеркалу то одним боком, то другим, затем повернулся спиной и стал смотреть на себя через плечо.

Тем временем Джули взяла обе мои руки в свои и проговорила:

— Ну-с, а что будем делать с этим ворчуном? — И так и впилась глазами мне в лицо. — Нет, — заключила она наконец, — хорошенькой девочки из тебя не выйдет. Только не с такими ужасными прыщами!

Сью, вставшая рядом, дернула за прядь моих

волос и добавила:

— И не с этими жуткими сальными патлами, которые он никогда не моет!

— И не с желтыми зубами! — Это была Джули.

— И не с вонючими ногами! — Снова Сью.

Джули перевернула мои руки ладонями вниз:

— И не с такими грязными ногтями!

И обе принялись разглядывать мои ногти, издавая преувеличенные возгласы отвращения. Том смотрел на нас из дверей. Мне не было обидно — напротив, я наслаждался этим осмотром.

— Ты только посмотри на этот! — сказала Сью, прикасаясь к моему указательному пальцу. — У него под ногтем что-то зеленое и красное!

И обе покатились со смеху, в полном восторге от собственного представления.

— А это что такое? — спросил я вдруг, заметив под креслом какую-то длинную картонную коробку. Крышка ее была приоткрыта, и виднелся уголок оберточной бумаги.

— А, это Джули! — воскликнула Сью.

Я подошел и вытащил коробку из-под кресла. В ней, завернутые в белую с оранжевым бумагу, лежали высокие женские ботинки — темно-коричневые, густо пахнущие кожей и духами.

Джули, повернувшись ко мне спиной, медлен-

но и аккуратно складывала оранжевое платьице Тома. Я взял один ботинок:

— Откуда они у тебя?

— Из магазина, — не оборачиваясь, ответила Джули.

— И сколько стоят?

— Не так уж много.

— Джули! — в театральном восторге прошипела Сью. — Они же стоят тридцать восемь фунтов!

— Тридцать восемь фунтов? — повторил я.

Джули молча покачала головой, кладя оранжевое платьице на руку. Я вспомнил, что на шее у меня болтается дурацкая лента, и попытался ее стащить, но узел затянулся, и лента не поддавалась. Сью захихикала. Джули пошла прочь из комнаты.

— Ты что, сперла их, что ли? — спросил я.

Она снова покачала головой. Сжимая в руках ботинок, я побежал за ней по лестнице. Уже в спальне, догнав ее, я сказал:

— Ты нам со Сью дала по два куска, а сама ботиночки себе покупаешь за тридцать восемь фунтов!

Джули села перед зеркалом и провела по волосам расческой.

— Не угадал, — произнесла она звонким драз-

нящим голосом, словно мы играли в угадайку.

Я швырнул ботинок на кровать и двумя руками дернул ненавистную ленту. Узел стянулся еще сильнее, сделался маленьким и твердым, как камень. Джули потянулась и зевнула.

— Если ты их не купила, значит, сперла, — сказал я.

— Не-а, — ответила она и сжала губы в насмешливой улыбке.

— А что тогда?

Я стоял у нее за спиной. Она смотрела не на меня, а в зеркало.

— Неужели ничего больше придумать не можешь?

Я покачал головой.

— Что же еще? Ну разве что сама сшила.

Джули расхохоталась.

— Неужели тебе никогда не дарили подарков?

— И кто их тебе подарил?

— Друг.

— Какой друг?

— Ага, так я и сказала.

— Парень?

Джули встала и повернулась ко мне. Губы ее сжались как вишенка.

— Разумеется, это парень, — сказала она на-

конец.

У меня было смутное ощущение, что я, как брат, имею право расспросить Джули о парне, с которым она встречается, но сама Джули ничем не поддерживала подобную уверенность, к тому же я чувствовал скорее уныние, чем любопытство.

Взяв с тумбочки ножницы для ногтей, она разрезала ленту возле узла и бросила на пол.

— Вот и все, — сказала она и легко поцеловала меня в губы.

7

Через три недели после маминой смерти я решил перечитать роман, который подарила мне на день рождения Сью. Читая, я поражался тому, сколько всего в первый раз пропустил. Оказывается, командор Хант тщательно следил за чистотой и порядком на корабле, особенно во время долгих космических путешествий. Каждый день (старый, земной день) он спускался по лестнице из нержавеющей стали в мусорный отсек, где летали в беспорядке окурки, пластиковые вилки, старые журналы и стаканы из-под кофе. «Здесь, где нет тяготения, которое держит все вещи на своих местах, — объяснял командор двум компьютерщикам, новичкам на корабле, — нам приходится особенно тщательно поддерживать порядок». А в долгие вечера, когда не случалось никаких неотложных дел, командор Хант «читал и перечитывал классику мировой литературы или записывал свои мысли в массивный, окованный сталью дневник, пока Космо, верный пес, дремал у его ног». Звездолет командора мчался в пространстве со скоростью всего в сто раз меньше скорости света, чтобы найти источник

энергии, превратившей споры в монстра. Интересно, думал я, стал бы он заботиться о чистоте или интересоваться мировой литературой, если бы его корабль никуда не летел — просто висел бы в космосе, неподвижно, день за днем?

Дочитав книгу, я отправился вниз, чтобы предложить ее Джули или Сью. Почему-то мне очень хотелось, чтобы ее прочел кто-то еще. Джули сидела одна в большом кресле в гостиной, подобрав под себя ноги. Она курила сигарету — когда я вошел, она как раз запрокинула голову и выдула к потолку голубоватый дым.

— Я не знал, что ты куришь.

Джули затянулась еще раз и сухо кивнула. Я подошел ближе.

— Почитай вот это, — сказал я и протянул ей книгу.

Некоторое время Джули смотрела на обложку, а я, зайдя сзади, смотрел ей через плечо. На обложке монстр, очень напоминающий осьминога, сжимал в своих щупальцах космический корабль, а с другой стороны летел на помощь звездолет командора Хаита. Прежде я не рассматривал обложку внимательно и только теперь понял, что выглядит она глупо. Мне стало так стыдно, словно я сам ее нарисовал. Наконец Джули протянула

мне книгу через плечо, держа ее за угол.

— Обложка дурацкая, верно, — сказал я, — зато внутри…

Джули покачала головой и снова выпустила дым, на этот раз через комнату.

— Такая литература не в моем вкусе, — отрезала она.

Я положил книгу на стол обложкой вниз и, обойдя кресло, встал перед ним.

— Что значит «не в моем вкусе»? — спросил я. — Ты ее даже не открыла — откуда ты знаешь, в твоем это вкусе или нет?

Джули пожала плечами:

— Мне сейчас вообще не очень хочется читать.

— Да ты начни, тебе понравится!

Я снова взял книгу и протянул ей. Сам не зная почему, я очень хотел с кем-то ее разделить. Вдруг Джули наклонилась и взяла у меня книгу.

— Хорошо, — сказала она ласково, словно утешая ребенка, готового расплакаться, — если тебе так хочется, прочту.

Меня это разозлило.

— Если только потому, что мне хочется, то не надо, — сказал я и попытался отобрать у нее книгу. Но она отвела руку.

— Ну что ты, — сдерживая улыбку, проговорила

она, — конечно нет.

Я схватил ее за запястье и выкрутил руку. Но Джули перехватила книгу другой рукой из-за спины.

— Отпусти, мне больно!

— Отдай! — потребовал я. — Такая литература не в твоем вкусе.

Я обхватил ее за пояс, отобрал книгу — Джули больше не сопротивлялась — и ушел с ней в дальний угол комнаты. Джули, потирая запястье, молча смотрела на меня.

— Что с тобой такое? — спросила она наконец тихо, почти шепотом. — Взбесился, что ли?

Я молча отошел в другой конец комнаты и сел.

Довольно долго мы сидели молча. Джули закурила новую сигарету, я листал свою книгу, скользил глазами по строчкам, но ничего не понимал. Мне хотелось загладить нашу стычку, прежде чем уйти, но я понимал, что все, что скажу, будет звучать глупо. И потом, говорил я себе, она сама напросилась. Накануне я довел Тома до слез, щелкнув его по голове. Он шумел у дверей моей комнаты и разбудил меня. Схватившись за голову, он заорал так громко, что из своей комнаты выскочила Сью.

— Он сам виноват, — сказал я. — Расшумелся

тут с утра.

Сью погладила Тома по голове.

— С утра! — проговорила она громко, перекрикивая его вопли. — Да ведь уже почти час!

— А для меня — утро! — рявкнул я и вернулся в постель.

Я не видел особого смысла вставать по утрам. Мне — единственному в доме — нечем было заняться. Том весь день играл на улице, Сью сидела у себя, читала книги и писала дневник, а Джули гуляла с тем парнем, что подарил ей ботинки. А если не гуляла, то прихорашивалась перед выходом. Подолгу принимала ванну, от которой по дому плыл сладкий запах, перебивавший даже кухонную вонь. Подолгу умывалась, причесывалась, красила глаза. Надевала вещи, которых я раньше не видел, — шелковую блузку и коричневую бархатную юбку.

Я просыпался около полудня, занимался онанизмом и снова засыпал. Мне снились сны — не то чтобы кошмары, но дурные сны, от которых я старался проснуться.

Два фунта я потратил на рыбу с чипсами, и когда попросил у Джули еще денег, она молча дала мне пятерку. Днем я слушал радио. Думал о том, чтобы вернуться в школу в конце лета или,

может быть, устроиться на работу, но ни то ни другое меня не привлекало. Иногда засыпал в кресле после обеда, хотя встал всего пару часов назад. Глядя в зеркало, замечал, что прыщи с лица распространились и на шею. А вдруг я весь покроюсь прыщами? Но это меня не слишком беспокоило.

Наконец Джули кашлянула и спросила:

— Ну, что скажешь?

Мой взгляд упал на кухонную дверь.

— Давай приберемся на кухне, — вдруг сказал я.

Это оказался очень верный ход. Джули вскочила, сунула сигарету в угол рта и произнесла голосом заправского киношного гангстера:

— Вот это другой разговор, братишка! — И, протянув руку, подняла меня из кресла.

— Я схожу за Сью, — сказал я, но Джули покачала головой.

С воображаемым автоматом у бедра она впрыгнула в кухню и начала стрелять очередями — по поросшим плесенью тарелкам, по черным и зеленым мухам, по огромной куче мусора, вольготно раскинувшейся на полу. Джули выпускала очередь за очередью, с теми же возгласами, с какими Том играл в свои военные игры. Я стоял в две-

рях, не зная, как присоединиться к игре. Джули развернулась и выпустила последний заряд мне в живот. Я рухнул у ее ног, чуть не уткнувшись носом в обертку от масла. Джули схватила меня за волосы и оттянула голову назад. Автомат в ее руках превратился в нож, она приставила этот нож к моему горлу и произнесла:

— Пикнешь — воткну его сюда! — Затем присела и ткнула меня кулаком в пах. — Или сюда! — добавила она драматическим шепотом, и мы оба засмеялись.

Затем игра вдруг окончилась. Мы принялись собирать мусор, укладывать его в коробки и выносить к мусорным бакам. Сью услышала нас и спустилась помочь. Мы вычистили сток, вымыли стены, отскребли пол. Пока мы со Сью мыли посуду, Джули пошла в магазин за едой. Как раз когда мы закончили, она вернулась и сразу начала резать овощи для жаркого. Поставив жаркое на медленный огонь, Джули и Сью пошли убираться в гостиной, а я вышел наружу, чтобы помыть окна. Сквозь мутное мокрое стекло я видел, как сестры сдвигают всю мебель в середину комнаты, и впервые за несколько недель был счастлив. Я был в безопасности — я принадлежал к могущественной тайной армии. Мы работали больше

четырех часов, одно дело сменялось другим, и я почти перестал осознавать собственное существование.

Я вынес в сад несколько матов и небольшой ковер и стал выбивать их палкой. Полностью погрузившись в это занятие, я вдруг почувствовал какое-то движение позади себя и обернулся. За спиной у меня стоял Том вместе со своим приятелем из многоэтажек. На Томе была школьная юбка Сью, коленки в крови — видно, он недавно упал. Теперь Том довольно часто играл на улице в юбке Сью. Мне казалось, другие ребята должны его дразнить, но никто как будто ничего не замечал. Этого я понять не мог. Я бы скорее умер, чем вышел из дому в сестриной юбке — даже когда был маленьким, как Том. На друге Тома был шарф, который я уже будто где-то видел. Они стояли, держась за руки, и о чем-то разговаривали, но слов я не разбирал, потому что колотил палкой по ковру. Затем Том спросил громко:

— Что это ты делаешь?

Я объяснил, а потом спросил:

— А ты зачем надел юбку?

Том не ответил. Я еще несколько раз стукнул по ковру, а затем обратился к другу Тома:

— Зачем Том надел юбку?

— Мы играем, — объяснил он. — Том — Джули.

— А ты кто? — спросил я.

Мальчик не ответил. Я снова поднял палку, опустил на ковер, и в тот же миг Том проговорил:

— А он — ты.

— Как ты сказал? Он — я?

Оба кивнули. Я бросил палку и начал вытаскивать маты из чехлов.

— И что вы делаете в этой игре? — спросил я.

— Да ничего особенного, — пожал плечами друг Тома.

— Деретесь?

Я хотел услышать, что ответит Том, но он смотрел в сторону. Его друг помотал головой. Я начал складывать маты и ковер друг на друга.

— Вы в игре дружите? Держитесь за руки?

Они расцепили руки и засмеялись.

Том пошел за мной в дом, а его друг остался снаружи.

— Я пошел домой? — вопросительно крикнул он со двора. Том, не оборачиваясь, кивнул.

…На столе в гостиной стояли четыре тарелки, возле каждой — нож и вилка. В центре стола — бутылка томатного соуса и подставка для яйца, наполненная солью. Напротив тарелок к столу придвинуты четыре стула. Надо же, подумал я,

все как будто по-настоящему. Том пошел наверх искать Джули и Сью, а я принялся обходить гостиную и кухню, как командор Хант обходил свой корабль. Дважды нагибался и подбирал с ковра пушинки. На крюке на двери в подвал висела авоська из яркой цветной сетки, в ней болтались два яблока и два апельсина. Я подцепил авоську пальцем, оттянул и отпустил, чтобы она закачалась, как маятник. В одну сторону она качалась куда легче, чем в другую: не сразу я понял, что дело в форме ручек. Машинально я открыл дверь в подвал, включил свет и двинулся вниз по ступенькам.

Посреди огромного круглого пятна засохшего цемента лежала лопата. Мне она напомнила часовую стрелку сломанных часов. Я попробовал вспомнить, кто из нас ее бросил, но обнаружил, что смутно помню порядок событий. Лопату я поднял и прислонил к стене. Крышка сундука была открыта — так мы его оставили, это я помнил. Я провел рукой по бетону в сундуке. Он был светло-светло серым и теплым на ощупь, и на ладони у меня осталась серая пыль. Я заметил, что по поверхности бетона наискосок идет трещина толщиной с волос, раздвоенная с одного конца. Опустившись на колени, я приблизил нос к тре-

щине, принюхался и почувствовал отчетливый сладкий запах, но, встав, тут же понял, что пахнет жаркое наверху. Я сел на табуретку у сундука и начал думать о матери. Пытался представить ее лицо — мысленно рисовал овал и заполнял его чертами, но черты прыгали, менялись, сливались, а сам овал превращался в электрическую лампочку. Закрыв глаза, я эту лампочку ясно увидел. Лишь на один краткий миг в овале появилось лицо матери — с натянутой улыбкой, как на всех фотографиях. Я придумывал фразы и старался представить, как бы она их произнесла. Но даже самые простые предложения — «Передай мне книгу» или «Спокойной ночи» — не удавалось вложить ей в уста. Какой у нее был голос — высокий или низкий? Шутила ли она когда-нибудь? Она умерла меньше месяца назад и лежит в сундуке передо мной. Но даже в этом я был не уверен. Мне хотелось достать ее оттуда и убедиться.

Я провел пальцем по тонкой трещине. Теперь я не совсем понимал, зачем мы вообще спрятали маму в сундук. Тогда это казалось естественным — чтобы остаться вместе, сохранить семью. Но может быть, нам интереснее жилось бы по отдельности? Я не мог даже понять, что именно мы

сделали — понятную ошибку, которую на нашем месте совершил бы каждый, или что-то из ряда вон выходящее, такое, что, если об этом узнают, это появится на первых полосах всех газет. А может быть, ни то ни другое, а что-то такое, о чем читаешь на последней странице газеты и тут же забываешь. О чем я ни пытался думать, каждая мысль, словно мамино лицо в овале, расплывалась и уходила в ничто.

Из-за невозможности сосредоточиться, о чем-то подумать, даже что-то почувствовать я ощутил сильную тягу к онанизму. Сунул руку в трусы и тут заметил у себя между ног что-то красное. В изумлении я вскочил. Оказывается, я сидел на ярко-красной табуретке. Табуретку эту я помнил: ее давным-давно покрасил отец. Обычно она стояла в ванной на первом этаже. Должно быть, ее принесли сюда Сью или Джули, чтобы посидеть у сундука. Странно, но эта мысль не успокоила меня, а напугала. Между собой мы почти не говорили о маме. Это был наш общий секрет. Даже Том почти не упоминал о ней и все реже и реже по ней плакал. Я оглянулся вокруг, словно надеялся увидеть нечто, что помогло бы мне восстановить в памяти черты матери. Но ничего не увидел. Тогда я пошел прочь из подвала и, поднимаясь

по лестнице, увидел, что сверху стоит и смотрит на меня Сью.

— Я так и думала, что это ты, — сказала она, когда я поравнялся с ней. В руке она держала тарелку.

— Там трещина, — сказал я. — Ты видела?

— И она становится все больше, — быстро ответила Сью. — Но знаешь что?

Я пожал плечами. Она показала мне тарелку:

— У нас гости!

Я протиснулся мимо нее на кухню, но там никого не было. Сью выключила свет в подвале и заперла за мной дверь.

— Кто? — Теперь я видел, что Сью очень возбуждена.

— Дерек, — ответила она. — Парень Джули.

Вернувшись в гостиную, она поставила на стол тарелку, достала еще одну вилку и нож, затем подвела меня к лестнице, показала наверх и прошептала:

— Слышишь?

Сверху доносились голоса — один голос Джули, другой мужской. Вот они заговорили одновременно, а вот засмеялись.

— Ну и что? — сказал я Сью. — Подумаешь!

С сильно бьющимся сердцем я плюхнулся в

кресло, перекинул ноги через подлокотник и принялся насвистывать. Сью тоже села и смахнула воображаемый пот со лба.

— Повезло, что мы как раз убрались, правда?

Я не ответил и продолжал свистеть — фальшиво, сбиваясь с ритма, чувствуя, как нарастает паника.

Сверху спустился Том, держа в руках, как мне сперва показалось, большого кота. Это был его парик. Том протянул его Сью и попросил надеть на него. Но та отодвинула его от себя, указала на его коленки и ладони и сказала, что не станет надевать парик, пока он не смоет всю эту грязь. Том ушел в ванную, а я спросил:

— Какой он?

— У него машина новая. Посмотри! — И она указала рукой в сторону окна. Но я не стал оборачиваться.

Вернулся Том, и Сью сказала ему:

— Если хочешь за чаем быть девочкой, может быть, наденем оранжевое платье?

Он помотал головой, и Сью надела на него парик. Том выбежал в холл, чтобы посмотреть на себя в зеркало, затем вернулся, сел напротив меня и принялся ковырять в носу. Сью взяла книгу, я снова начал насвистывать, но уже не

так громко. Том вытащил из носа козявку, рассмотрел ее и сунул в щель между подушками. Я и сам иногда так делал, но только когда никто не видел, обычно в постели по утрам. Впрочем, в исполнении маленькой девочки это выглядело вполне невинно. Я подошел к окну. Там стояла спортивная машина, из старомодных — с выступающим бортиком и откидным кожаным верхом. Она была ярко-красная, с тонкой черной линией по всей длине борта.

— Выйди и посмотри, — сказала Сью, — она фантастическая!

— На что смотреть-то? — сказал я.

Колеса были с серебристыми спицами, выхлопная труба — тоже серебристая. Вдоль капота шли глубокие узкие прорези, и я представил, как, легко ведя этот автомобиль по крутой горной дороге где-нибудь в Альпах, объясняю пассажиру: «Это для вентиляции. Чтобы мотор не перегревался».

Когда я отошел от окна, Сью в гостиной уже не было.

Том в большом кресле казался совсем крошечным: голова его едва доставала до середины спинки, ноги еле-еле свешивались с сиденья. Несколько секунд я смотрел на него, а он на меня, затем он отвернулся и скрестил руки на груди.

Мне подумалось, что ноги его очень странно торчат из-под юбки.

— Ну и каково тебе быть девчонкой? — спросил я.

Том помотал головой и поерзал в кресле, но ничего не ответил.

— Лучше, чем мальчиком?

— Не знаю.

— Чувствуешь себя сексуально?

Том рассмеялся в ответ: он не понимал, что значит «сексуально», но знал, что в ответ на это слово положено смеяться.

— Ну а все-таки?

— Не знаю, — с широкой улыбкой повторил он.

Я нагнулся к нему и пальцем поманил его к себе:

— Когда ты надеваешь парик, юбку и смотришь на себя в зеркало — тебе приятно? У тебя писька растет?

Улыбка Тома поблекла, он молча встал и выскользнул из комнаты.

Я стоял посреди комнаты, принюхиваясь к аромату жаркого. Вот наверху скрипнул пол, я заерзал в кресле, меняя позы, и наконец сел, скрестив руки и закинув ногу на ногу. На лестнице послышались легкие быстрые шаги, и в гостиную

вбежал Том.

— Идут! Он идет! — радостно объявил он.

— Кто идет? — поинтересовался я и закинул руки за голову.

— Это Дерек, а это Джек, — объявила Джули.

Вставать я не стал, однако расплел ноги и сел прямо. Мы молча пожали друг другу руки. Затем Дерек, кашлянув, взглянул на Джули.

— А это Том, — проговорила она, привлекая Тома к себе и обнимая за плечи, таким тоном, что стало ясно: Дереку она о Томе уже рассказывала.

— Как же, девочка по имени Том, — негромко отозвался Дерек, заходя за мое кресло, так что я его не видел.

Сью принужденно хихикнула.

Я встал. Джули вышла на кухню и позвала Тома помочь ей с жарким, а мы остались, неловко сгрудившись посреди комнаты. Наконец Сью начала разговор.

— У вас такая чудная машина! — прощебетала она нарочито глупеньким, девчоночьим голоском.

Дерек кивнул. Он был очень высок ростом и одет как на свадьбу: светло-серый костюм, кремовая рубашка, галстук, запонки и ремень с серебряной пряжкой.

— А мне не понравилась, — брякнул я.

Дерек с любезной улыбкой повернулся ко мне.

У него были густые черные усы — такие аккуратные и ровные, что казались пластмассовыми.

— Правда? — вежливо спросил он. — Почему же?

— Слишком уж блестит, — ответил я. Дерек взглянул на свои ботинки, и я добавил: — Я имею в виду цвет. Мне не нравится красный цвет. Слишком яркий.

— Очень жаль, — ответил он, глядя на Сью. — А тебе нравится?

— Мне? Да, очень нравится красный, особенно красные автомобили!

Он снова взглянул на меня.

— А мне не нравится, — отрезал я. — Красный автомобиль похож на игрушку.

Дерек шагнул в сторону от нас и остановился, засунув руки глубоко в карманы и покачиваясь на каблуках.

— Когда станешь чуть постарше, — проговорил он, — поймешь, что это и есть игрушки. Только очень дорогие.

— Почему же они игрушки? — спросил я. — Автомобиль — очень полезная штука.

Дерек кивнул и обвел взглядом гостиную.

— Большие у вас комнаты, — заметил он. — Да и весь дом большой.

— У меня комната довольно маленькая, — ответила Сью.

Я скрестил руки на груди и продолжил спор:

— Если машины — игрушки, тогда и все, что можно купить за деньги, — просто игрушки!

В этот момент вошла Джули с жарким на блюде, за ней с хлебом и перечницей шел Том.

— Джек, я непременно об этом подумаю, — произнес Дерек и повернулся ко мне спиной, чтобы отодвинуть с дороги Джули стул.

Прежде чем мы сели, я успел заметить, что на Джули новые ботинки, шелковая блузка и бархатная юбка. Они с Дереком сели рядом, а я — на углу, рядом с Томом. Я так злился, что даже есть не хотел, и, когда Джули передала мне тарелку, буркнул, что не буду.

— Не глупи, — просто сказала она, поставила передо мной тарелку и улыбнулась Дереку. Тот кивнул, улыбаясь всепонимающей улыбкой.

За едой разговаривали только Джули и Сью. Дерек сидел очень прямо, расстелив на коленях красно-синий носовой платок; закончив есть, он промокнул этим платком усы, затем аккуратно сложил его и убрал в карман. Я смотрел на них не

отрываясь, не желая пропустить момент, когда они друг до друга дотронутся. Вот Джули положила руку ему на локоть и попросила передать соль. Я вскочил, схватил солонку и протянул ее Джули, при этом просыпав половину соли на стол.

— Осторожнее, — мягко сказал Дерек.

Девчонки торопливо заговорили в два голоса о соли, просыпанной через плечо, и хождении под лестницей. В какой-то момент я увидел, как Дерек подмигнул Тому, а тот потупился так, что кудри парика скрыли его лицо. Потом Джули увела Дерека в сад, а мы со Сью остались мыть тарелки. Я ничего не делал — просто стоял с полотенцем в руках. Оба мы смотрели в окно. За окном Джули показывала Дереку тропинки и ступени, теперь почти невидимые под разросшимися пожухлыми сорняками. Дерек указал на многоэтажки вдалеке и решительно рубанул ладонью воздух, словно приказывая им рухнуть. Джули серьезно кивнула.

— Какой он широкоплечий! — сказала Сью. — Наверное, костюм себе сшил на заказ.

Оба мы уставились на спину Дерека. Голова у него была маленькая и круглая, и волосы все одной длины, как на щетке.

— Не такой уж он сильный, — сказал я. — И

вообще толстый.

Сью достала из раковины мокрые тарелки и огляделась, высматривая, куда бы их положить.

— Он тебя одним мизинцем побьет, — заявила она.

— Ага! — воскликнул я. — Пусть только попробует!

Чуть позже Джули и ее приятель присели на каменную горку. Сью взяла у меня полотенце и принялась вытирать тарелки.

— Спорим, не угадаешь, чем он занимается, — сказала она.

И я ответил:

— Да насрать мне на то, чем он занимается.

— Никогда не догадаешься: играет в бильярд!

— И что с того?

— Играет в бильярд на деньги и кучу денег на этом зарабатывает!

Я снова взглянул на Дерека. Он сидел боком ко мне, слушая Джули; выдернув пучок пожухлой травы, он откусывал кусочки травинок и выплевывал их. Джули говорила, а он все время кивал. Потом легко положил ей руку на плечо и сам что-то сказал — не знаю что, но она рассмеялась.

— О нем даже в газете писали, — говорила тем временем Сью.

— В какой газете?

Сью назвала наш местный еженедельник, и я рассмеялся:

— Да там пишут о каждом, кто достаточно долго проживет!

— Спорим, не угадаешь, сколько ему лет!

Я промолчал.

— Двадцать три! — гордо объявила Сью и улыбнулась. Мне захотелось ее ударить.

— Ну и что тут такого?

— Самый подходящий возраст, — ответила Сью, вытирая руки полотенцем.

— Для чего подходящий? Кто это тебе сказал?

— Джули сказала, — поколебавшись, ответила Сью.

Я повернулся и выбежал из кухни. В гостиной остановился, огляделся в поисках командора Ханта. Оказалось, его убрали в книжный шкаф. Я сунул книгу под мышку, взбежал по лестнице к себе в комнату и рухнул на кровать.

8

Тяжелые сны все чаще превращались в кошмары. В холле у нас стоял большой деревянный ящик, я мог дюжину раз пройти мимо и о нем не вспомнить. Но сейчас, идя через холл, остановился взглянуть на него. Крышка, крепко заколоченная наяву, теперь была откинута, из нее торчали гнутые острия гвоздей, виднелись царапины и белые полоски расщепленного дерева. Я подошел поближе — только так, чтобы не заглядывать внутрь. Это сон, говорил я себе, это все сон. Бояться нечего. В ящике что-то было. Я попробовал открыть глаза, даже увидел на миг дальний конец собственной кровати, но тяжесть сна надавила на веки, и я снова оказался в холле, теперь — над самым ящиком, тупо глядя внутрь. Снова попытался проснуться, на этот раз глаза распахнулись легко, без усилий. Я увидел угол кровати и брошенные на пол вещи. В кресле у кровати сидела мать, глядя на меня огромными пустыми глазами. Это потому, что она мертвая, подумал я. Мама была совсем крошечной, ноги ее едва доставали до пола. Она заговорила, и голос ее звучал так знакомо, что я не понимал, как мог

наяву его забыть. Но того, что она говорила, я не понимал. Она произнесла какое-то странное слово: то ли «друлить», то ли «брулить».

— Прекрати же наконец друлить! — говорила она. — Неужели не можешь перестать, даже когда я с тобой разговариваю?

— Я ничего не делаю, — возразил я и тут, взглянув вниз, обнаружил, что одеяла нет, что я лежу перед ней голый и онанирую. Рука у меня двигалась взад-вперед, словно челнок на ткацком станке.

— Мама, я не могу перестать! Это не я!

— Что сказал бы твой отец? — грустно проговорила она. — Что сказал бы отец, будь он жив?

И, уже просыпаясь, я услышал свой собственный голос:

— Но ты тоже умерла!

Однажды днем я решил рассказать этот сон Сью. Когда она открыла мне дверь своей комнаты, в руке у нее я заметил блокнот. Слушая меня, она закрыла блокнот и сунула его под подушку. К моему удивлению, мой сон ее насмешил.

— А мальчишки правда все время это делают? — спросила она.

— Что делают?

— Ну, друлят.

Отвечать я не стал, а вместо этого вдруг спросил:

— Помнишь, мы втроем играли в ту игру?

— Какую?

— Ты была инопланетянкой, а мы с Джули тебя изучали.

Сестра кивнула и скрестила руки на груди. Наступило молчание. Я не понимал, зачем об этом спросил, и не знал, что сказать дальше.

— Помню, — сказала она наконец. — Ну и что?

Странно: я пришел рассказать ей свой сон и поговорить о маме, а вместо этого мы говорили о чем-то совсем другом.

— А сейчас, — наконец медленно проговорил я, — сейчас тебе больше не хочется играть в такие игры?

Сью покачала головой и отвернулась.

— Я почти и не помню, что это была за игра.

— Мы с Джули тебя раздевали…

Прозвучало это как-то странно — совсем не похоже на то, что было на самом деле. Я замолчал. Сью снова покачала головой и произнесла неубедительно:

— Правда? Знаешь, я действительно очень плохо помню. Маленькая была. — И, помолчав, добавила: — Мы вечно выдумывали какие-то

дурацкие игры.

Я присел на кровать Сью. По полу у нее были разбросаны книги, свои и библиотечные, иные, раскрытые, валялись корешками вверх. Мне захотелось взять и посмотреть какую-нибудь из них, но при одной мысли о чтении я ощутил усталость.

— И не надоедает тебе сидеть тут весь день и читать? — спросил я.

— Мне нравится читать, — ответила Сью. — И потом, все равно больше нечем заняться.

— Да мало ли чем можно заняться! — возразил я, только чтобы снова услышать из ее уст, что заняться в нашем доме нечем.

Но она пожевала тонкими бледными губами, как делают женщины перед тем, как накрасить их, и сказала:

— А мне не хочется.

Довольно долго мы сидели молча. Сью начала что-то насвистывать. Наверное, ждет, когда я уйду, подумал я. Внизу открылась дверь черного хода, послышались голоса Джули и ее приятеля. Хотелось бы мне, чтобы Сью не любила Дерека так же, как я, тогда бы нам с ней нашлось о чем поговорить! Но она только подняла тонкие брови и сказала:

— А вот и они.

— Ну и что? — глупо спросил я, чувствуя, что один, совсем один на свете.

Сью перестала свистеть. Я поднял с пола какой-то журнал и начал, не глядя, его листать. Оба мы прислушивались. Они не поднимались наверх, вместо этого мы услышали, как внизу льется вода из крана и звякают чайные чашки.

— Ты все еще пишешь дневник? — спросил я.

— Иногда, — ответила Сью и покосилась на подушку, как будто боялась, что я выхвачу оттуда ее сокровище.

Я подождал несколько секунд, а затем проговорил очень печальным голосом:

— Как бы мне хотелось прочитать, что ты пишешь о маме! Только о маме, больше ничего. Можешь сама мне прочесть, если хочешь.

Внизу завопило радио: «Если соберешься к морю, крошка, по дороге мимо моего окошка…» Я поморщился, не сводя скорбного взгляда с сестры.

— Ты ничего не поймешь.

— Почему?

— Потому что ты никогда ее не понимал, — быстро проговорила Сью. — И всегда ужасно с ней обращался.

— Неправда! — громко сказал я, а затем повторил еще раз, потише: — Неправда.

Сью сидела на кровати, положив одну руку на подушку.

— Ты никогда не делал того, что она просила, — заговорила она, скорбно глядя перед собой. — Никогда ей не помогал. Ты вообще никогда не интересовался ничем, кроме себя. И тогда, и сейчас.

— Если бы я ее совсем не любил, — возразил я, — сейчас она бы мне не снилась, как ты думаешь?

— Ты видел сон не о ней, а о самом себе, — ответила Сью. — И мой дневник тебе нужен, чтобы почитать о себе.

— Так что же, — сказал я, — значит, ты ходишь в подвал, садишься на табуретку и там записываешь в этот черный блокнотик все, что о нас всех думаешь?

И захохотал, громко и натянуто. Мне было очень не по себе, так что я старался смеяться погромче. Руки мои лежали на коленях: я их видел, но почти не чувствовал.

Сью долго смотрела на меня — так, словно не видела перед собой, а вспоминала. Затем достала из-под подушки блокнот, открыла и начала ли-

стать. Я перестал смеяться и ждал.

— «Девятое августа… Ты умерла девятнадцать дней назад. Сегодня мы о тебе совсем не вспоминали. — Она помолчала, скользя глазами по строчкам. — Джек весь день злится. Поколотил Тома за то, что тот шумел на лестнице. У Тома царапина через все лицо, и кровь долго не останавливалась. На обед ели суп из консервов. Джек ни с кем не разговаривал. Джули рассказала про своего парня, его зовут Дерек. Сказала, что хочет как-нибудь привести его домой, и спросила, не возражаем ли мы. Я сказала: нет. Джек сделал вид, что ничего не слышал, и ушел наверх. — Она полистала страницы, нашла другую запись и начала читать с большим выражением: — С тех пор как ты умерла, он ни разу не стирал свою одежду. Не моет ни руки, ни лицо, вообще не моется. От него страшно воняет. Когда он берет хлеб руками, после него этот хлеб неприятно есть. И сказать ему ничего нельзя, потому что он дерется. Чуть что — сразу лезет в драку, и только Джули умеет с ним разговаривать…»

Она хотела прочесть что-то еще, но передумала и захлопнула блокнот.

Несколько минут после этого мы вяло спорили о том, что сказала Джули за обедом.

— Не говорила она, что кого-то приведет домой! — говорил я.

— Нет, сказала.

— Нет, не говорила!

Сью надоело спорить, она присела на корточки и начала разбирать свои книги. Когда я выходил, она не подняла головы.

Внизу орало радио — так громко, как мы никогда не включали прежде. Спортивный комментатор вопил что-то о бегунах. На верхней площадке лестницы сидел Том. Сегодня на нем было туго подпоясанное бело-голубое платьице, а вот парик свой он где-то потерял. Когда я присел рядом, ноздрей моих коснулся слабый неприятный запах. Том ревел, прижимая кулаки к глазам, из носа у него свисала зеленая сопля. Глубоко вдохнув, он втянул соплю обратно. Несколько минут я молча смотрел на него. Кажется, из гостиной доносились голоса, но за воплями диктора ничего нельзя было разобрать. Я спросил Тома, что случилось. Сначала он зарыдал громче, затем, немного успокоившись, прохныкал:

— Джули на меня накричала и стукнула! — И заревел с новой силой.

Я двинулся вниз. Скоро стало понятно, почему так орет радио: Джули и Дерек ссорились. Я

остановился у дверей и прислушался. Кажется, Дерек о чем-то упрашивал Джули — в его голосе слышались умоляющие нотки. Потом оба заговорили разом, почти крича друг на друга. Когда я вошел, оба сразу замолчали. Дерек стоял, прислонившись к столу, скрестив ноги и сунув руки в карманы. Сегодня на нем был темно-зеленый пиджак и шейный платок с золотой брошью. Джули стояла у окна. Я прошел между ними и выключил радио, затем обернулся, ожидая, кто из них заговорит первым. Интересно, подумал я, почему они не вышли в сад? Ругались бы там сколько влезет.

— Что тебе? — спросила Джули.

В отличие от Дерека она была одета по-домашнему: в пластиковых босоножках, джинсах и рубашке, завязанной узлом под грудью.

— Просто спустился посмотреть, отчего такой шум, — ответил я. И, глядя на Дерека, добавил: — И узнать, кто побил Тома.

Джули молчала, постукивая ногой по полу. Ясно было: она ждет, когда я уйду.

Я снова прошел между ними — нарочито медленно, приставляя носок к пятке, словно измерял расстояние шагами. Дерек негромко откашлялся и потянул из кармана часы. Открыл их, закрыл,

снова убрал. С того дня, как он впервые пришел к нам домой — это было около недели назад, — я его больше не видел. Но несколько раз он заезжал за Джули на машине. Снаружи слышался мягкий рокот мотора. Джули выбегала из дому, а Сью и Том бросались к окнам, и только я делал вид, что мне все равно. Два или три раза Джули уезжала на всю ночь. Мне она ничего не рассказывала, но всякий раз на следующее утро долго пила чай со Сью, они часами сидели на кухне и секретничали. Небось Сью потом все записывает в свой блокнотик, думал я.

Вдруг Дерек улыбнулся мне и спросил:

— Джек, а ты как поживаешь?

Джули шумно вздохнула.

— Не надо, — сказала она.

— Да ничего, — ответил я с самым независимым видом.

— Чем сейчас занимаешься?

— Да так, ничем особенным, — ответил я, покосившись на Джули. Ее явно злило, что я разговариваю с ее Дереком. — А ты?

Дерек подумал, затем со вздохом ответил:

— Играю по маленькой. Ничего серьезного — так, для тренировки.

Я кивнул.

Дерек с Джули сердито смотрели друг на друга, а я переводил глаза с одного на другого, ожидая, кто из них заговорит первым. Наконец Дерек сказал, не отрывая взгляда от Джули:

— Ты сам когда-нибудь играл?

Не будь здесь Джули, я непременно ответил бы «да». Мне случалось видеть, как играют в бильярд, и правила я знал, но сам не играл никогда. Так что ответил честно:

— Да нет.

Дерек снова вытащил часы:

— Хочешь, поедем со мной, сыграем вместе?

Джули снова шумно вздохнула и быстро вышла из комнаты. Дерек проводил ее взглядом, затем добавил:

— Конечно, если ты сейчас ничем не занят.

Я тяжело задумался и наконец ответил:

— Да нет, я сейчас ничем особенно не занят.

Дерек отошел от стола, отряхнул пиджак. Я заметил, что руки у него очень маленькие и бледные. Он вышел в холл, чтобы поправить перед зеркалом свой шейный платок, и заметил мне через плечо:

— Провели бы вы здесь свет, что ли.

Мы вышли черным ходом. Проходя через кухню, я заметил, что дверь в подвал распахнута, и

остановился, думая, не подняться ли наверх и не спросить ли об этом Джули, но Дерек захлопнул дверь ногой и проговорил:

— Пошли, пошли. Я и так уже запаздываю.

И мы поспешили — вокруг дома, через сад, к его низко посаженной красной машине.

К моему удивлению, ехал Дерек очень медленно. Он сидел прямо, на расстоянии вытянутой руки от руля, держа его двумя пальцами, словно ему неприятно было к нему прикасаться. За рулем он молчал. Почти всю дорогу я смотрел на приборную доску, где чернели два ряда циферблатов с блестящими белыми стрелками. Стрелки почти не двигались — кроме секундной стрелки часов. Ехали мы с четверть часа. Наконец свернули с дороги и оказались на узкой улочке, с какими-то складами по обеим сторонам. Кое-где виднелись кучи гнилых овощей, так я понял, что это овощехранилища. На тротуаре мы увидели человека в помятом пиджаке, с масляно блестевшими волосами и свернутой газетой, торчащей из кармана, он равнодушно смотрел на нас. Дерек остановил машину возле него и вышел, не выключая мотора. За спиной у незнакомца начиналась дорожка. Мы прошли мимо него, и Дерек бросил на ходу:

— Припаркуй машину. Увидимся внутри.

В конце дорожки обнаружились зеленые двустворчатые двери с процарапанной по краске надписью: «Бильярд Освальдов». Дерек вошел первым и, не оборачиваясь, одним пальцем придержал для меня дверь. Мы оказались в бильярдном зале. На двух дальних столах шла игра, остальные были пусты и темны. Ярко освещен был только один стол в центре, разноцветные шары на нем блестели, разложенные по порядку и готовые к игре. Какой-то человек прислонился к этому столу, спиной к нам, и курил сигарету. За нами я увидел ярко освещенное квадратное окошко, а в нем — старика в белом пиджаке, смотрящего на нас. Перед ним на узкой полочке стояли чашки и блюдца с голубой каймой и еще пластмассовая тарелка, на которой лежала одна булочка. Дерек наклонился к окошку перебросится парой слов с буфетчиком, а я подошел поближе к одному из столов и прочел на латунной табличке в его центре, прямо за центральной лузой, город и фамилию мебельщика, который его изготовил.

Дерек пощелкал языком, подзывая меня. Держа в обеих руках по чашке с чаем, он кивком показал мне, куда идти, и толкнул ногой дверь в той же стене. Рядом с дверью я только сейчас

заметил окно, в котором недоставало одного стекла. В тесной комнатушке за письменным столом сидела женщина в очках с толстыми стеклами, углубившись в разграфленную тетрадь, а в другом углу в кресле мужчина вертел в руках сигаретную пачку. В воздухе висел густой табачный дым. Освещалась комнатка только тусклой настольной лампой. Дерек поставил обе чашки на стол, возле лампы, и сделал шутливый боксерский выпад в сторону человека в кресле. И мужчина и женщина встретили Дерека радостными возгласами. Они называли его сынком, но он представил их мне как «мистера и миссис Освальд, для друзей просто О».

— А это брат Джули, — добавил он, но имени моего не назвал.

Присесть было некуда. Дерек взял из пачки у мистера О сигарету. Миссис О скорчила недовольную гримасу и причмокнула губами, словно голодный младенец. Дерек взял еще сигарету, сунул ей в рот, и все трое засмеялись.

— Что-то ты задержался, сынок. Грег уже почти час тебя дожидается, — проговорил мистер О.

Дерек кивнул. Он присел на край стола, а я стоял у дверей. Миссис О погрозила Дереку пальцем:

— Кто у нас такой плохой мальчик?

Дерек чуть отодвинулся от нее и принялся за свой чай. Мне мою чашку он не передал.

— Что же ты, сынок, вчера не приходил? — заботливо поинтересовалась миссис О.

— Нашел себе другую рыбку, пожирнее, — ответил мистер О и подмигнул мне.

Дерек молчал и прихлебывал свой чай.

— Здесь целая толпа собралась, все тебя ждали, — продолжала миссис О.

— Вот как? Хорошо, — сказал Дерек и кивнул.

— Он сюда ходит с двенадцати лет, — пояснила миссис О, — и ни разу мы не брали с него платы за столик. Верно, сынок?

Дерек допил чай и встал.

— Мой кий, пожалуйста, — обратился он к мистеру О.

Только тут я заметил у стены, за спиной мистера О, стойку с несколькими киями и одним длинным, суженным к концу кожаным футляром. Мистер О вытер руки желтой салфеткой, открыл футляр и достал оттуда кий — темно-коричневый, почти черный. Прежде чем передать его Дереку, он пояснил мне:

— Свои кии он доверяет только мне.

— И мне! — вставила миссис О, но мистер О улыбнулся и покачал головой.

Снаружи нас ждал тот человек, что припарковал машину.

— Это Чес, — представил его Дерек, — а это брат Джули.

Мы с Чесом кивнули, не глядя друг на друга. Дерек ленивой походкой двинулся к центральному столу, Чес бежал рядом на цыпочках и что-то говорил вполголоса ему на ухо — кажется, про какую-то лошадь. Дерек молчал и даже не поворачивал головы. Я шел за ними, мне уже хотелось уйти. За столом Дерека ждал Грег, он пригнулся, готовясь запустить первый шар. На Греге была коричневая кожаная куртка с большой дырой на локте, длинные волосы собраны в хвост. Я мысленно пожелал, чтобы он выиграл. Белый шар прокатился по столу из конца в конец, сбил один красный и вернулся на исходную позицию. Дерек скинул пиджак и передал его Чесу. Тот свернул пиджак изнанкой вверх и перекинул через руку. Дерек наклонился к столу и легким, небрежным движением запустил белый шар. Когда сдвинутый красный упал в нижнюю лузу, игроки и зрители за соседними столами повернули головы в нашу сторону и один за другим потянулись к нам. Громко стуча каблуками, Дерек перешел на другую сторону стола. Теперь его белый шар

столкнул со своих мест все красные и поравнялся с черным. Прежде чем поднять кий, Дерек бросил взгляд на меня, и я поспешно отвернулся.

Следующие несколько минут он аккуратно отправлял красные и черные шары в нижнюю лузу. В промежутках между ударами переходил от одного конца стола к другому и всякий раз бросал мне какие-то реплики — негромко, не глядя в мою сторону, словно разговаривая с самим собой.

— Интересно живете вы четверо, — сказал он, отправив в лузу первый черный шар. Грег и прочие смотрели на него и прислушивались к нашему разговору.

— Не знаю, — буркнул я.

— Родители умерли, — пояснил Дерек Чесу, — четверо ребятишек живут сами по себе.

— Сироты, значит, — пробормотал Чес, не отрываясь от газеты.

— Дом большой, — продолжал Дерек, в очередной раз проходя мимо меня, чтобы ударить по белому шару.

— Очень большой, — подтвердил я.

— Должно быть, стоит кучу денег. — Красный шар медленно перекатился через край лузы. Теперь Дерек мог, не меняя позиции, поразить черный. — Столько комнат, — добавил он. — Их

же можно сдавать.

— Мы об этом не думали, — ответил я.

Дерек помолчал, глядя, как Грег извлекает из лузы черный шар и устанавливает его на место.

— И подвал у вас — не во многих домах есть такие подвалы.

Он снова обошел стол. Чес вздохнул и покрутил головой над чем-то, вычитанным в газете. Еще один красный шар упал вниз.

— Знаешь… — Дерек не отрывал глаз от катящегося белого шара. — Ведь с этим подвалом можно было бы что-то сделать.

— Например? — спросил я.

Но Дерек только пожал плечами и точным сильным ударом загнал в лузу черный шар.

Наконец Дерек упустил черный шар, при этом сдавленно зашипев сквозь зубы. Чес оторвался от газеты и проговорил:

— Сорок девять.

— Я пойду, — сказал я Дереку, но тот меня не слышал — он отвернулся, чтобы взять сигарету у кого-то из игроков. Затем отошел к другому концу стола и стал смотреть на Грега.

Мне было нехорошо. Я прислонился к столбу и задрал голову в потолок. Там пересекались железные балки, а над ними, в самой крыше,

виднелись стекла, закрашенные грязно-желтой краской. Когда я опустил глаза, шаров на столе осталось уже совсем немного — и снова играл Дерек. Окончив игру, он подошел ко мне сзади, взял за локоть и спросил:

— Хочешь сыграть?

Я помотал головой и отстранился.

— Я иду домой, — сказал я.

Дерек обошел меня кругом и засмеялся, глядя мне в лицо и похлопывая себя по ноге толстым концом кия.

— Ну и бука же ты, — проговорил он. — Расслабься! Ну улыбнись наконец!

Я вжался спиной в столб. Казалось, на меня давит какое-то темное облако, я почти верил, что, снова подняв глаза к потолку, его увижу.

Несколько секунд Дерек смотрел на меня, затем его осенило. Глубоко вздохнув, он позвал через плечо:

— Эй, Чес! Грег! Идите-ка сюда, давайте развеселим этого зануду! — И с улыбкой подмигнул мне, словно я тоже участвовал в розыгрыше.

С двух сторон от него, чуть позади, выросли Чес и Грег.

— Значит, так, — проговорил Дерек, — или кончай дуться, или все расскажу твоей сестре. — Трое

мужчин передо мной росли и расплывались. — Или нет, еще лучше: попрошу Грега сыграть с тобой какую-нибудь из его любимых шуток!

Чес и Грег захохотали. Все они были на его стороне.

— Отвяжитесь от меня! — сказал я.

— Да отстань ты от парнишки, в самом деле, — сказал Чес и пошел прочь.

От его слов мне захотелось плакать, больше всего боясь, что Дерек об этом догадается, я свирепо уставился на него и старался не мигать. Однако в одном глазу все же собралась вода, я почти сразу успел смахнуть слезу, но не сомневался: они все видели. Грег протянул мне руку.

— Все в порядке, парень, никто тебя не тронет, — сказал он.

Я не мог пожать ему руку: ладонь у меня была мокрая. Грег отошел прочь, и мы с Дереком снова остались вдвоем.

Я повернулся и пошел к дверям. Дерек положил на стол свой кий и догнал меня. Шли мы совсем рядом, словно скованные наручниками.

— Знаешь, ты очень похож на свою сестру, — проговорил он.

Проскользнуть мимо Дерека у меня бы не получилось, так что пришлось свернуть налево, к

буфету. Едва увидев нас, старик достал большой стальной поднос и разлил чай в две чашки.

— За мой счет, — объявил он высоким дрожащим голосом. — Угощаю победителей!

Поскольку он сказал «победителей», имея в виду и меня, то пришлось и мне взять чашку. Дерек взял свою, и мы прислонились к стене, глядя друг на друга. Он, казалось, хотел что-то сказать, но так и не решился. Я старался пить чай как можно быстрее, от этого вспотел, и меня снова затошнило. Тело под рубашкой свербело и чесалось, пот стекал по ногам, а пальцы ног буквально плавали в поту. Я прислонился головой к стене.

Грег с Чесом вышли через другую дверь, а остальные игроки вернулись к своим столам. За стеной без умолку тараторила миссис О или, может быть, радио.

— Твоя сестра всегда такая? — спросил вдруг Дерек. — Или, может, я чего-то не знаю?

— Какая «такая»? — быстро ответил я. Сердце у меня тяжело забилось.

Дерек еще подумал, погладил кадык, поправил брошь на шейном платке.

— Строго между нами, договорились? Как мужчина с мужчиной. — Я кивнул. — Возьмем, например, сегодняшний день. Она была занята,

так что я решил заглянуть в подвал. Что тут такого? А она как с цепи сорвалась. У вас же там ничего такого нет, в этом подвале?

Я подумал, что этот вопрос ответа не требует, но он повторил:

— Или у вас там хранится что-то такое?

— Нет-нет, — быстро ответил я. — Я туда почти не хожу, но там ничего такого нет.

— Тогда почему она так разозлилась? — И Дерек уставился на меня, ожидая ответа, с таким видом, словно это я разозлился и теперь должен был объяснить ему свое поведение.

— Она всегда такая, — ответил я. — Джули — она такая.

Дерек опустил глаза на свои ботинки, помолчал с минуту, а потом начал снова:

— Или вот в другой раз…

Но в этот миг из своего кабинетика вышел мистер О и завел с ним какой-то разговор. Воспользовавшись моментом, я допил чай и вышел.

Дверь черного хода была открыта, и я тихо вошел в дом. В кухне стоял застарелый запах чего-то жареного. Я испытывал странное чувство — как будто меня не было несколько месяцев и бог весть что могло произойти в мое отсутствие. За столом в гостиной, уставленным грязными тарелками,

сидела Джули, вид у нее был очень довольный. На коленях у нее, сунув палец в рот, сидел Том, голова его покоилась у нее на груди, на шее была на манер нагрудника повязана салфетка. Он сосал палец и смотрел куда-то вдаль сонным, мечтательным взглядом. Меня он, кажется, не заметил. Услышав мои шаги, Джули подняла голову и улыбнулась мне. Я почувствовал, что сейчас упаду, и схватился за ручку двери: казалось, я ничего не вешу и меня может унести любое дуновение ветерка.

— Не удивляйся, — сказала мне Джули. — Том хочет снова стать маленьким.

Она опустила подбородок ему на макушку и начала покачиваться взад и вперед.

— Он сегодня был нехорошим мальчиком, — продолжала она, обращаясь скорее к нему, чем ко мне, — так что мы с ним хорошенько поговорили и решили, как будем дальше жить.

Том прикрыл глаза. Я подошел к столу, где стояла сковородка, и взял оттуда кусок холодного мяса. Джули укачивала Тома и что-то напевала про себя.

Том заснул. Я хотел поговорить с Джули о Дереке, но она встала и понесла Тома наверх. Здесь она открыла ногой дверь своей спальни. Я уви-

дел, что она принесла из подвала старую детскую кроватку и поставила ее у своей постели. Кроватка была уже собрана, передняя стенка опущена. Странно и неприятно было видеть ее так близко от кровати Джули.

— Почему ты не поставила ее у него в комнате? — спросил я, указав на кроватку.

Джули, повернувшись ко мне спиной, укладывала Тома в кроватку. Она усадила его, чтобы расстегнуть рубашку, и он открыл глаза.

— Потому что ему так захотелось — правда, маленький?

Том кивнул и забрался под одеяло. Джули подошла к окну, чтобы задернуть занавески. В полутьме я приблизился к кроватке и встал возле нее. Джули отстранила меня, поцеловала Тома в лоб и аккуратно подняла переднюю стенку кроватки. Том, кажется, сразу заснул.

— Вот хороший мальчик, — прошептала Джули и, взяв меня за руку, вывела из комнаты.

9

Вскоре после того, как Сью прочла мне отрывки из дневника, я начал замечать, что от рук у меня исходит неприятный запах. Сладкий, гниловатый, он напоминал о выброшенном мясе. Шел он, кажется, от ладоней, даже скорее от пальцев — даже не столько от пальцев, сколько от углублений между ними. Я перестал онанировать. Больше не хотелось. После того как вымыл руки, они пахли только мылом, но стоило отвернуться и быстро провести рукой перед носом — и вместе с запахом мыла моих ноздрей касалась все та же гнилая вонь. Я начал подолгу принимать ванны днем, подолгу бездумно лежа в воде, пока она не остывала. Постриг ногти, вымыл голову, сменил одежду. Но через полчаса после ванны запах возвращался — слабый, почти неразличимый, словно воспоминание о запахе. Джули и Сью посмеивались над моим внезапным стремлением к чистоте: должно быть, говорили они, я тайно завел себе подружку. Однако Джули стала со мной ласковее. Она купила мне в комиссионном две рубашки, почти новые и как раз на меня. Однажды, столкнувшись где-то с Томом, я провел пальцами

у него под носом и спросил, чем пахнет.

— Как будто рыбой! — громко ответил он своим новым, младенческим писклявым голоском.

Я отыскал медицинскую энциклопедию и прочел главу о раке. Может быть, думал я, из-за какой-то болезни я гнию изнутри? Я подолгу смотрелся в зеркало и дышал в сложенные чашечкой ладони. Однажды вечером наконец пошел проливной дождь. От кого-то я слышал, что дождевая вода — самая чистая на свете, так что снял рубашку, ботинки и носки, выбежал в сад, забрался на каменную горку и встал там, раскинув руки и подставив тело дождю. Сью вышла на порог кухонной двери и, перекрикивая шум дождя, спросила, что это я делаю. Потом позвала Джули. Обе они звали меня и смеялись, но я повернулся к ним спиной.

За ужином мы поспорили. Я говорил, что дождь пошел в первый раз со дня маминой смерти, а Джули и Сью — что нет, он был уже несколько раз. Я спросил, когда именно, и они ответили, что не помнят. Сью сказала: она точно знает, что выходила на улицу с зонтиком, потому что сейчас зонтик лежит у нее в комнате, а Джули: она помнит, что однажды, когда ехала в машине с Дереком, слышала шелест дворников по стек-

лу. Я сказал, что это ничего не доказывает. Они начали злиться — и чем сильнее злились, тем я становился спокойнее и непреклоннее. Джули потребовала от меня доказать, что дождя не было, на это я ответил: я не обязан ничего доказывать. Они говорят, что дождь был, так пусть доказывают они. Сестры умолкли, сердито фыркая. Когда я попросил Сью передать сахарницу, она сделала вид, что не слышит. Я встал, обошел вокруг стола, и в тот же миг она схватила сахарницу и поставила ее туда, где я сидел. Я уже занес руку, чтобы дать ей хороший подзатыльник, но в этот момент Джули закричала: «Не смей!» — так громко, что от неожиданности я промахнулся. Рука моя пронеслась у нее над головой — и я тут же ощутил знакомый запах. «Сейчас скажут, что я пукнул», — подумал я. Но Джули и Сью, словно решив не обращать на меня внимания, начали какой-то разговор между собой. Я сел, сунув руки себе под зад, и подмигнул Тому.

Том смотрел на меня, приоткрыв рот, полный недожеванной еды. Он сидел рядом с Джули. Пока мы спорили о дожде, он размазал еду по лицу и теперь ждал, пока Джули сделает ему замечание, вытрет лицо нагрудником, повязанным вокруг шеи, и велит выйти из-за стола. Тогда он сможет

забраться под стол и усесться около наших ног.

Обычно после еды он срывал с себя нагрудник и убегал на улицу играть со своими друзьями. Там он не был младенцем — в младенца Том превращался лишь дома, с Джули. Из него получился на редкость тихий и послушный грудничок. Он не плакал, не капризничал, во всем подчинялся Джули. Когда она ласкала его и баюкала, глаза его расширялись, взгляд устремлялся куда-то в пространство, рот приоткрывался: он как будто погружался в себя. Однажды вечером, когда Джули взяла Тома на руки, чтобы нести наверх, я сказал:

— Настоящие младенцы вопят и брыкаются, когда их укладывают спать.

Том взглянул на меня через плечо Джули: взгляд его сфокусировался, губы сжались.

— Не всегда, — ответил он. — Совсем не всегда.

Я не нашел что ответить, а он безропотно позволил унести себя прочь.

Джули с младенцем-Томом меня завораживали. Я не мог оторвать от них взгляд, наблюдая за ними с изумлением и тайным восторгом. Джули, кажется, нравилось иметь зрителя: она не раз шутила на эту тему.

— Ты так серьезно смотришь, — сказала она

однажды, — словно на похоронах!

Том хотел, чтобы Джули принадлежала только ему. На второй вечер я снова пошел за ними в спальню и стоял в дверях, пока Джули раздевала Тома. Он сидел спиной ко мне. Джули попросила меня дать ей пижаму Тома. Заметив, что я здесь, Том повернулся в кроватке и завопил:

— Уходи! Уходи!

Джули рассмеялась и взъерошила ему волосы.

— Ну что мне с вами двоими делать? — сказала она.

Я вышел из комнаты, прислонился к стене в коридоре и стал слушать, как Джули читает Тому сказку. Наконец она вышла и, похоже, совсем не удивилась, увидев меня здесь. Мы зашли ко мне в комнату и сели на кровать. Свет не включали. Откашлявшись, я сказал:

— Может быть, не стоит позволять Тому постоянно играть в младенца? Что, если он потом не сможет выйти из этой игры?

Джули долго молчала. В темноте я не видел ее лица, но чувствовал, что она улыбается. Вот она положила руку мне на колено и сказала:

— Кажется, кто-то ревнует!

Мы оба рассмеялись. Потом я откинулся на кровать и, осмелев, осторожно дотронулся кон-

чиками пальцев до ее затылка. Она вздрогнула и сильнее сжала мне колено.

— Ты часто думаешь о маме? — спросила она вдруг.

— Часто, — прошептал я. — А ты?

— Конечно.

Больше сказать было нечего, но мне хотелось продолжать разговор.

— Как ты думаешь, мы правильно сделали?

Джули убрала руку и молчала так долго, что я подумал: наверное, она забыла о вопросе. Я коснулся ее спины, и она немедленно ответила:

— Тогда все казалось простым и ясным, а теперь… не знаю. Может быть, и неправильно.

— Теперь-то уж ничего нельзя сделать, — ответил я и замолчал, ожидая возражений. И еще того, что она снова положит руку мне на колено. Я провел указательным пальцем по ее спине, гадая, почему между нами все так изменилось. Неужели оттого, что я начал принимать ванну?

Наконец она сказала:

— Да, наверное, теперь уже ничего не сделаешь, — и сложила руки на груди, показывая, что разговор окончен. Она снова перестала мне доверять, снова ждала нападения.

— Ты впустила Дерека в подвал! — не выдер-

жав, сказал я.

Теперь обратной дороги не было. Джули встала, включила свет и остановилась у дверей. Сердито дернула головой, откидывая со лба прядь волос.

Я сел на кровати и положил руку себе на колено — туда, где только что лежала ее рука.

— Он тебе это рассказал, когда вы играли… в бильярд?

— Я не играл, я только смотрел.

— Он нашел ключ и сам туда спустился, — объяснила Джули.

— Могла бы его остановить!

Джули покачала головой. В голосе ее послышались непривычные умоляющие нотки:

— Он сам туда вошел. И ничего там не увидел — да и не мог увидеть.

— Ты страшно разозлилась, и он теперь хочет знать почему, — сказал я.

В первый раз я одержал верх над ней в споре. Я принялся выстукивать ладонями по коленям какой-то ритм, и снова в ноздри мне ударил сладкий гнилой запах.

Вдруг Джули сказала:

— Знаешь, я ведь с ним не сплю или еще что-то такое.

Сперва я ее не понял и продолжал барабанить

по коленям. Вдруг, сообразив, остановился и буркнул, едва сдерживая ликование в голосе:

— Ну и что?

Но Джули уже вышла из комнаты.

Перегнувшись через стол, я схватил Тома за нагрудник и потащил к себе. Он захныкал, а затем завопил во всю глотку. Сью вскочила. Джули, оборвав разговор, схватила меня за руку и попыталась разжать пальцы.

— Что ты делаешь? — закричала она. — А ну отпусти его!

Я отпустил Тома, и он рухнул в объятия Джули.

— Хотел вытереть ему рот, — объяснил я, — раз уж ты так занята разговором.

Том уткнулся Джули в колени и залился горьким младенческим плачем.

— Что ты ко всем цепляешься? — спросила Сью. — Что вообще с тобой такое?

Я вышел в сад. Дождь уже перестал. Многоэтажки со свежими пятнами сырости на стенах выглядели особенно безобразно, но трава на земле за оградой нашего садика стала зеленее. Я шел по саду, аккуратно ступая по узеньким дорожкам — именно так, как требовал от всех папа. Дорожки заросли сорняками и бурьяном и стали почти неразличимы, а пруд высох, обна-

жив грязное голубое пластмассовое дно. Сейчас в нем собралось немного дождевой воды. Обходя вокруг пруда, я вдруг ощутил под ногой что-то скользкое. Я раздавил лягушку. Она лежала на боку, и вытянутая задняя лапа ее еще трепетала в воздухе. Из брюха у нее текла зеленая слизь, и быстро-быстро дергался кожистый мешок под горлом. Один выпученный глаз смотрел на меня — без укора, но с бесконечной печалью. Я присел возле нее и подобрал большой плоский камень. Теперь казалось, что лягушка смотрит на меня, ожидая от меня помощи. Я подождал, надеясь, что она как-то оправится или умрет сама. Но мешок под горлом вздувался и опадал все судорожнее, вторая нога бессильно скребла под брюхом в безуспешных попытках подняться, передние лапки дергались, словно лягушка пыталась поплыть. Желтоватый выпученный глаз все смотрел и смотрел на меня.

— Ладно, хватит, — громко сказал я и, прицелясь, бросил камень точно на зеленую лягушачью головку.

Когда я поднял камень, лягушка прилипла к нему и поднялась вместе с ним, а затем упала наземь. Плача, я подобрал другой камень, с острым краем, и стал копать ямку. Когда я начал сталки-

вать лягушку туда палочкой, передние лапки ее снова задрожали. Я торопливо засыпал могилу и притоптал ее ногой.

Позади послышались шаги.

— Что случилось?

Я узнал голос Дерека. Он стоял, широко расставив ноги, придерживая одним пальцем накинутый на плечи белый дождевик.

— Ничего, — ответил я.

Дерек подошел ближе:

— Что ты там закопал?

— Ничего.

Дерек потыкал землю остроносым полированным ботинком.

— Просто похоронил дохлую лягушку, — сказал я.

Но Дерек ковырял землю ботинком, пока на свет не показался облепленный грязью лягушачий трупик.

— Смотри-ка, — проговорил он, — да она вовсе не дохлая.

И с этими словами ввинтил в мою лягушку каблук и снова засыпал ее землей. Все это он сделал одной ногой, не снимая плаща. От него пахло какой-то парфюмерией — то ли одеколоном, то ли кремом после бритья. Я повернулся и

пошел прочь от пруда, по тропинке, спиралью поднимающейся на каменную горку. Дерек двинулся следом. Мы поднимались друг за другом в гору по спирали, сужая и сужая круги, словно в детской игре.

— Джули дома? — спросил он.

Я ответил, что она укладывает Тома спать, а затем — мы уже стояли на вершине горки, вплотную друг другу — добавил:

— Он теперь спит с ней в одной комнате.

Дерек быстро кивнул, как будто уже об этом знал, и подергал себя за узел галстука.

Мы стояли рядом и смотрели на дом. Когда Дерек заговорил, я ощутил мятный запах его дыхания.

— Странный у тебя братец, а? Носит девчачьи платья…

И улыбнулся, ожидая, что я улыбнусь в ответ, но я скрестил руки на груди и ответил:

— И что в этом странного?

Дерек сбежал с горки, прыгая по виткам дорожки, как по ступенькам. Оказавшись внизу, некоторое время поправлял плащ, затем откашлялся и сказал:

— Знаешь, это может на него плохо подействовать. Потом, когда он вырастет.

Я тоже сбежал с горки, и мы пошли к дому.

— Что значит «плохо подействовать»? — спросил я.

Мы уже стояли у кухонной двери. Дерек не ответил, вглядываясь в окно. Дверь в гостиную была открыта: там сидела Сью и читала журнал.

Вдруг Дерек спросил:

— А когда умерли ваши родители?

— Давно, — пробормотал я и толкнул дверь. Но Дерек поймал меня за локоть.

— Подожди, — потребовал он. — Джули мне говорила, что это случилось совсем недавно.

В этот момент из гостиной меня позвала Сью. Я вырвался и вошел в дом.

— Подожди! — прошипел мне вслед Дерек, а вслед за тем я услышал, как он тщательно вытирает ноги у кухонного порога, прежде чем войти.

Едва Дерек вошел в комнату, Сью бросила свой журнал и побежала на кухню готовить ему чай. Она держалась с ним как с кинозвездой. Он прошелся по комнате, прикидывая, куда бы положить свой аккуратно сложенный плащ, а она следила за ним из кухни, словно испуганный кролик. Я сел и начал листать журнал Сью. Дерек наконец положил плащ на пол около кресла и тоже сел.

— Джули с Томом наверху! — дрожащим восторженным голосом сообщила из кухни Сью.

— Я здесь подожду, — громко ответил Дерек.

Он закинул ногу на ногу и принялся поправлять манжеты, чтобы видны были запонки. Я бездумно листал журнал.

Сью принесла чай. Дерек взял у нее чашку и проговорил с преувеличенной галантностью:

— Благодарю вас, Сьюзан.

Сью хихикнула и села — так далеко от него, как только могла. Помешивая чай, Дерек вдруг взглянул прямо на меня и сказал:

— Чем-то странным у вас тут пахнет. Ты не замечаешь?

Я покачал головой, но почувствовал, что краснею. Дерек внимательно смотрел на меня, потягивая чай. Потом поднял голову и шумно втянул носом воздух.

— Запах несильный, — сказал он, — но очень странный.

— Это, наверное, от водостока, — встав, быстро заговорила Сью. — Он очень легко засоряется, и летом… ну, понимаете… — осеклась, помолчала немного и повторила: — Это водосток.

Дерек кивнул, не отрывая взгляда от меня. Сью снова села. Некоторое время никто из нас не

произносил ни слова.

Джули вошла в комнату совершенно неслышно — никто из нас ее не заметил, и, когда она заговорила, Дерек вздрогнул.

— Как у вас тут тихо, — мягко сказала она.

Дерек встал, вытянувшись, как солдат, и очень вежливо произнес:

— Добрый вечер, Джули.

Сью снова хихикнула. На Джули была бархатная юбка, волосы перехвачены белой лентой.

— Мы тут говорили о водостоках, — пояснил Дерек и официальным движением указал Джули на свое кресло. Но она устроилась на ручке моего.

— О водостоках? — равнодушно повторила она, явно не желая развивать эту тему.

— Как поживаешь? — поинтересовался Дерек.

Сью снова захихикала, и все мы посмотрели на нее.

Джули указала на плащ Дерека:

— Почему бы тебе его не повесить, пока кто-нибудь на него не наступил?

Дерек поднял плащ, положил себе на колени и аккуратно разгладил.

— Хорошая киска, — проговорил он, погладив плащ.

Никто из нас не засмеялся. Сью спросила Джу-

ли, заснул ли Том.

— Сразу, как только лег, — ответила Джули.

Дерек достал из кармана часы. Все мы знали, что он сейчас скажет, и именно это он и сказал:

— Не слишком ли рано для Тома ложиться спать?

Тут на Сью напал неудержимый смех: зажав рот руками, она выскочила на кухню, а оттуда — в сад.

— Честно говоря, — непринужденно ответила Джули, — обычно он ложится спать даже раньше, верно, Джек?

Я кивнул, хотя понятия не имел, сколько сейчас времени.

Джули взъерошила мне волосы.

— Заметил, как он изменился? — спросила она у Дерека.

— Почище стал, — мгновенно ответил тот. И обратился ко мне: — Небось девчонки теперь за тобой бегают?

— Ну нет, девочек у нас пока нет, — не отнимая руки от моей головы, ответила Джули.

Дерек рассмеялся и достал пачку сигарет. Одну предложил Джули — та отказалась. Я не шевелился, не желая, чтобы Джули убирала руку, и в то же время чувствуя, что выгляжу очень глупо. Де-

рек откинулся в кресле и закурил, внимательно глядя на нас. В кухне послышались шаги: вернулась Сью. Вдруг Дерек улыбнулся, я не видел, но догадался, что улыбнулась и Джули. Оба они, не говоря ни слова, встали. Прежде чем убрать руку с моей головы, Джули легонько потрепала меня по волосам.

Когда они оба ушли наверх, в гостиную вошла Сью и уселась на краешек кресла Дерека. С нервным смешком сказала:

— Я знаю, откуда пахнет.

— Это не от меня.

Она ввела меня в кухню и отперла подвал. Тот самый запах, я его узнал, только здесь он был сильнее. Он выплывал из темноты, катясь по бетонным ступеням, — сладкий, гнилостный, тошнотворный, словно пухлый палец, засунутый в глотку. Я вглядывался в темноту, дыша через нос.

— Давай, — сказала Сью, — иди вниз. Ты знаешь, что это такое.

Она включила свет и подтолкнула меня в спину.

— Только если ты тоже пойдешь, — сказал я.

Откуда-то снизу, из коридора, соединяющего лестницу с дальней комнатой, донесся шорох.

Сью шагнула назад, в кухню, и схватила пластмассовый игрушечный фонарик Тома в форме рыбки. Свет у рыбки шел изо рта и был очень слабым.

— Не надо, — сказал я. — Там же есть свет.

Но она подтолкнула меня фонариком в спину.

— Пойдем! Сейчас увидишь! — прошептала она.

Спустившись с лестницы, мы остановились, чтобы включить нижний свет. Сью зажала нос платком, я прикрывал лицо рукавом рубашки. Дверь с той стороны коридора была приоткрыта. Оттуда снова послышался шорох.

— Крысы, — сказала Сью.

Дойдя до двери, мы остановились и посмотрели друг на друга.

— Толкай! — проговорила Сью сквозь платок.

Я не мог двинуться с места, но вдруг дверь начала открываться сама собой. Я вскрикнул и отступил назад — и только тут заметил, что это сестра толкает ногой дверь возле шарниров.

Сундук покосился, средняя его часть безобразно вздулась. Взбугрившийся цемент пересекала огромная трещина, кое-где в полдюйма толщиной. Сью потребовала, чтобы я подошел и заглянул внутрь. Она сунула мне в руку фонарик,

подтолкнула к сундуку и добавила еще что-то, чего я не расслышал. Поднеся фонарик вплотную к трещине, я вдруг вспомнил, как командор Хант и его команда пролетали над поверхностью незнакомой планеты. Тысячи и тысячи миль плоской безжизненной пустыни, испещренной лишь разломами от землетрясений. Ни холма, ни дерева, ни дома, ни ручейка. Ветра тоже не было, потому что не было воздуха. Так и не приземлившись, они умчались обратно в космос, и несколько часов после этого никто из них не произносил ни слова.

— Ну, чего ждешь? — яростно прошипела Сью.

Я наклонился над трещиной в самом широком ее месте и посветил фонариком. Глазам моим предстало что-то витое, гнутое, желтовато-серое, а за его извивами что-то истрепанное и черное. Всматриваясь, я в какой-то миг различил лицо, глаз, часть носа и темный провал рта, но в следующее мгновение этот образ вновь расплылся в бессмысленное сочетание цветных пятен. Я почувствовал, что сейчас упаду, и передал фонарик Сью. Но когда увидел, как она наклонилась над сундуком, это чувство прошло. Мы вышли в коридор и прикрыли за собой дверь.

— Видел? — проговорила Сью. — Одеяло все

разорвалось, и видна ее ночная рубашка.

В эти секунды мы ощущали странное возбуждение, как будто узнали, что на самом деле мать жива. Мы видели ее — в ночной рубашке, в точности как была!

Поднимаясь по лестнице, я заметил:

— Запах не такой уж противный, если к нему привыкнуть.

Сью то ли хихикнула, то ли всхлипнула и выронила фонарик. Сзади нас снова зашуршали крысы. Глубоко вздохнув, Сью наклонилась и начала шарить по ступеням в поисках фонарика. Наконец выпрямилась и сказала уже почти спокойно:

— Надо будет добавить еще цемента.

Наверху мы встретили Дерека. В кухне у него за спиной я увидел Джули. Дерек преградил нам путь к выходу.

— Не слишком-то хорошо вы умеете хранить секреты, — проговорил он дружеским тоном. — И что же у вас там, внизу, так благоухает?

Мы молча протиснулись мимо него на кухню. Сью подошла к раковине, налила воды в чашку и начала пить, шумно глотая.

— Вообще-то это абсолютно не твое дело, — сказал я и покосился на Джули, надеясь, что она

что-нибудь придумает.

Она подошла к двери и ласково взяла Дерека за руку.

— Давай закроем дверь, — сказала она. — Этот запах действует мне на нервы.

Но Дерек высвободил руку и все тем же дружеским тоном произнес:

— Вы так и не объяснили, что там такое. — Потер руку о пиджак и улыбнулся нам: — Знаете, я ведь чертовски любопытный.

Мы молча смотрели, как он спускается по лестнице. Слышали, как он шарит по стене в поисках выключателя, как идет по коридору и открывает дверь в комнату. И только тогда спустились следом — Джули, Сью и я.

Дерек достал из нагрудного кармана голубой носовой платок, встряхнул его и поднес к лицу, не прикладывая вплотную. Я твердо решил ничего такого не делать и дышал часто, сквозь стиснутые зубы. Носком ботинка Дерек постучал по сундуку. Мы с сестрами стояли вокруг него полукругом, словно на какой-то церемонии. Он провел пальцем по трещине, заглянул внутрь.

— Не знаю, что у вас там такое, но оно явно гниет.

— Это мертвая собака, — спокойно и просто

сказала вдруг Джули. — Собака Джека.

Дерек расплылся в улыбке.

— Ты же обещала не говорить! — сказал я.

Джули пожала плечами и ответила:

— Теперь это уже не важно.

Дерек наклонился над сундуком. Джули продолжала:

— Джек решил устроить… гробницу. Когда она умерла, положил ее сюда и залил цементом.

Дерек отколупнул кусочек бетона, повертел его в пальцах.

— Не слишком-то хорошо ты его смешал, — заметил он. — Да и сундук не выдерживает такого веса.

— Воняет уже по всему дому, — обратилась ко мне Джули, — ты бы сделал с этим что-нибудь.

Дерек тщательно вытер руки носовым платком.

— Кажется, это называется перезахоронением, — сказал он. — Например, в саду, рядом с твоей лягушкой.

Я подошел к сундуку и осторожно постучал по нему ногой, так же, как Дерек.

— Не хочу, чтобы его трогали, — твердо сказал я. — Я слишком долго над ним трудился.

Дерек пошел прочь из подвала, а мы все — за

ним. Когда мы снова собрались в гостиной, он спросил, как звали собаку, и я не раздумывая ответил:

— Космо.

Он положил руку мне на плечо и сказал:

— Надо будет заделать эту трещину в цементе. И будем надеяться, что сундук выдержит.

Остаток вечера мы ничего не делали. Дерек рассказывал о бильярде. Уже гораздо позже, когда я собрался уходить к себе, Дерек сказал:

— На этот раз я научу тебя правильно смешивать бетон.

Уже с лестницы я услышал ответ Джули:

— Пусть все сделает сам. Ему не понравится, если ты станешь его учить.

Дерек проговорил что-то, чего я не расслышал, и разразился долгим звучным смехом.

10

Вернулась жара. Джули снова загорала на каменной горке, на этот раз без радио. Том, впервые за много дней переодевшись в собственную одежду, играл в саду со своим приятелем из квартала многоэтажек. Всякий раз, собираясь сделать что-нибудь очень смелое — например, перепрыгнуть через камень, — он требовал, чтобы Джули на это посмотрела.

— Джули, смотри! Джули! Гляди, Джули! — Такие крики раздавались из сада все утро.

Я вышел в кухню, чтобы на них посмотреть. Джули лежала вытянувшись на ярко-синем полотенце и не обращала на Тома внимания. Она была уже такой смуглой, что мне подумалось: еще день или два — и станет совсем черной. По кухне кружило несколько ос. Снаружи, над переполненными мусорными ящиками, не опустошавшимися несколько недель, вились мухи. Масло в пакете растаяло и превратилось в лужицу. Жара стояла такая, что убираться на кухне никому не хотелось. Подошла Сью и сообщила, что только что услышала по радио: сегодня самый жаркий день начиная с 1900 года.

— Джули не стоит так долго загорать, — сказала она и вышла в сад, чтобы ее предупредить.

Но ни Джули, ни Тома и его приятеля жара, кажется, вовсе не беспокоила. Она лежала не двигаясь, а они гонялись друг за другом по саду и громко звали друг друга по имени.

После обеда мы с Джули отправились в магазин купить пакет цемента. За нами увязался Том. Он не отходил от Джули и держался за подол ее белой юбки. Я изнывал от жары, и в какой-то момент мне пришлось остановиться в тени автобусной остановки, чтобы отдышаться и прийти в себя. Джули заслонила меня от солнца и принялась махать ладонью у меня перед лицом, нагоняя воздух.

— Что с тобой такое? — приговаривала она. — Ты, бедняжка, совсем ослабел! Что ты с собой сделал?

Тут мы с ней встретились взглядами и оба расхохотались.

Перед магазином мы остановились посмотреть на свое отражение в витрине. Джули сплела руку с моей рукой и проговорила:

— Смотри, какие у тебя бледные пальцы!

Я вырвал руку. Входя в магазин, Джули заговорила со мной твердым и приказным тоном, как

с ребенком:

— Тебе обязательно нужно больше бывать на солнце. Это очень полезно.

По дороге домой я думал, что скоро Джули вообще нормально разговаривать перестанет — будет только командовать. Сама же она весело болтала с Томом о цирке и один раз, присев, вытерла ему салфеткой с губ слюну и мороженое.

Подойдя к воротам, я вдруг понял, что не хочу идти в дом. Джули взяла у меня пакет с десятью фунтами цемента и сказала:

— Вот и отлично, иди погуляй на солнышке.

Шагая вверх по улице, я вдруг заметил, что выглядит она совсем не так, как я привык. Собственно, это уже и не улица — так, дорога посреди пустыря. На ней осталось лишь два дома, не считая нашего, да и те поодаль друг от друга. Впереди я увидел грузовик, а рядом — группу людей в рабочих робах. Они, как видно, собирались домой. Как раз когда я подошел, грузовик взревел и двинулся мне навстречу. Трое рабочих стояли в кузове, придерживаясь за ручку, укрепленную на крыше водительской кабины. Один из них помахал мне рукой, затем указал на наш дом и пожал плечами, а в следующий миг машина скрылась за поворотом. Там, где прежде стояли

брошенные дома, теперь чернели только плиты фундаментов. Я подошел и забрался на один из них. Там, где прежде были стены, теперь чернели канавки: в них росла какая-то травка с листьями вроде салатных. Я прошелся вдоль бывшей стены, аккуратно ставя ноги на одну линию, думая о том, как это странно: всего несколько лет назад в этом бетонном прямоугольнике жила целая семья. Трудно было понять, то ли это здание, в котором я недавно был. Не осталось никаких примет. Я снял рубашку и расстелил ее в центре самой большой комнаты. Лег на спину, раскинул руки, ловя пальцами солнце. Жара мгновенно приковала меня к земле, и тело зачесалось от пота. Но я упорно лежал, пока не заснул.

Проснувшись, я сперва удивился тому, что лежу не у себя в постели. Вздрогнул и сонно потянулся за одеялом. Встав, почувствовал, что болит голова. Я подобрал рубашку и побрел домой, иногда останавливаясь, чтобы полюбоваться багровой грудью и руками, новый цвет которых казался еще ярче в лучах заходящего солнца. Возле дома я обнаружил машину Дерека, а войдя в кухню, увидел, что дверь в подвал открыта, и услышал доносившиеся оттуда голоса и какой-то скребущий, царапающий звук.

Дерек, засучив рукава, накладывал мастерком на трещину мокрый цемент. Джули стояла рядом, с руками на поясе, и смотрела.

— Вот видишь, делаю за тебя твою работу, — обратился ко мне Дерек, явно довольный собой.

Джули так мне обрадовалась, словно я вернулся из дальнего плавания.

— Ты только посмотри на себя! — восклицала она. — Загорел! Еще как загорел! Отлично выглядишь! Правда, он отлично выглядит?

Дерек что-то проворчал и вернулся к своей работе. В самом деле, запах ощущался уже меньше. Негромко насвистывая сквозь зубы, Дерек принялся разравнивать цемент. Пока он стоял, нагнувшись и повернувшись к нам спиной, Джули подмигнула мне, а я сделал вид, что пинаю его в зад. Дерек что-то заподозрил и спросил, не оборачиваясь:

— Что-то не так?

— Нет, ничего, — ответили мы хором и оба покатились со смеху.

Дерек обернулся и шагнул ко мне, сжимая в руке мастерок. К моему удивлению, вид у него был обиженный.

— Может быть, сам займешься? — спросил он.

— Да нет, — ответил я, — у тебя гораздо лучше

получается.

Дерек попытался сунуть мастерок мне в руки.

— Это же твоя собака, — сказал он. — Если, конечно, это действительно собака.

— Дерек! — ласково проговорила Джули. — Пожалуйста, доделай сам. Ты же обещал. — И она снова подвела его к сундуку. — Если это доверить Джеку, он снова растрескается, и опять будет запах на весь дом.

Дерек пожал плечами и снова принялся за работу. Джули похлопала его по плечу, затем взяла его пиджак, висевший на гвозде, перекинула через руку и, погладив, прошептала:

— Хорошая киска!

На этот раз Дерек не обращал внимания на наши приглушенные смешки.

Наконец он закончил работу и выпрямился.

— Отлично сделано! — проговорила Джули.

Дерек слегка поклонился и протянул к ней руку, но она отстранилась. Я сказал что-то в том же духе, но на меня он не взглянул. Наверху, в кухне, мы с Джули почтительно смотрели, как Дерек моет руки. Джули протянула ему полотенце. Вытирая руки, он снова попытался привлечь ее к себе, но Джули шагнула в сторону, положила руку мне на плечо и снова начала восхищаться

цветом моего лица.

— Тебя просто не узнать, — говорила она. — Правда, Дерек?

Дерек торопливо, резкими движениями завязывал галстук. Казалось, Джули полностью управляет его настроением. Он поправил запонки и потянулся за пиджаком, заметив при этом:

— По-моему, он перестарался.

С этими словами Дерек направился к двери. Я подумал, что он уходит, но вместо этого он присел, поднял за угол старый чайный пакетик и швырнул его в направлении мусорного ведра. Джули налила воды в чайник, а я пошел в гостиную за чашками.

Чай мы пили на кухне, стоя. В пиджаке и галстуке Дерек снова стал похож на себя. Стоял он очень прямо, держа чашку в одной руке и блюдце — в другой. Расспрашивал меня о школе, о работе. Потом вдруг спросил заботливо:

— Ты, наверное, был очень привязан к своей собаке?

Я кивнул и бросил взгляд на Джули, надеясь, что она сменит тему.

— Когда он умер? — спросил Дерек.

— Это была она, — ответил я.

Наступило недолгое молчание, затем Дерек

спросил с ноткой упрямства в голосе:

— Хорошо, и когда она умерла?

— Месяца два назад.

Дерек обернулся и бросил вопросительный взгляд на Джули. Та улыбнулась и подлила себе чаю.

— Какой она была породы? — спросил Дерек, обращаясь куда-то в пространство между Джули и мной.

— Ну, знаешь, помесь, — ответила Джули.

— Больше всего похожа на лабрадора, — добавил я, и вдруг перед моими усталыми глазами возникло видение грустной собачьей морды, настолько живое и яркое, что я потряс головой.

— Не возражаешь, что я об этом спрашиваю? — спросил Дерек.

— Да нет.

— Как это тебе пришло в голову залить ее цементом?

— Хотел сохранить навсегда. Как в Египте.

Дерек коротко кивнул, как будто это все объясняло.

В этот миг вбежал Том и вцепился в ногу Джули. Мы все чуть посторонились. Дерек протянул руку и хотел погладить Тома по голове, но тот оттолкнул его руку, и Дерек пролил на пол немного

чая. Несколько секунд он молча смотрел на лужу и вдруг спросил:

— Том, ты любил Космо?

Все еще держась за ногу Джули, Том обернулся посмотреть на Дерека и засмеялся, словно услышал какую-то привычную шутку.

— Ты же помнишь Космо, нашу собаку, — быстро подсказала ему Джули.

Том кивнул.

— Да, Космо, — медленно повторил Дерек. — Ты грустил, когда она умерла?

Том снова откинулся назад, но на этот раз смотрел на сестру.

— Ну как же, ты сидел у меня на коленях и плакал. Неужели не помнишь?

— Ага, помню, — с лукавой улыбкой ответил Том.

Все мы не сводили с него глаз.

— Я плакал, правда? — уточнил он у Джули.

— Конечно. А я отнесла тебя в кровать, помнишь?

Том прижался головой к животу Джули и, кажется, глубоко задумался. Спеша увести его подальше от Дерека, Джули поставила чашку и повела Тома в сад. Уже в дверях он вдруг проговорил: «А, собака!» — и насмешливо засмеялся.

Дерек сунул руку в карман и позвенел ключами. Оба мы смотрели в окно, как Джули ведет Тома через сад. В этот миг она была так красива, что мне хотелось смотреть на нее одному, без Дерека. Наконец, не оборачиваясь ко мне, он сказал тоскливо:

— Знаешь, мне хотелось бы, чтобы вы все… ну, чуть больше мне доверяли.

Я зевнул.

Мы с Джули и Сью не обсуждали ложь о собаке. Вообще мы не слишком-то заботились о том, чтобы обмануть Дерека. То, что скрывалось в подвале, казалось нам нереальным, словно во сне, — до тех пор, пока мы не спускались туда и не видели это своими глазами.

Дерек достал часы:

— У меня игра. Увидимся вечером, может быть.

Он вышел и окликнул Джули, та на секунду прервала игру с Томом, чтобы помахать ему рукой и послать воздушный поцелуй. Он подождал еще немного, но она уже повернулась к нему спиной.

Я поднялся к себе, скинул ботинки и носки и лег на кровать. В окно виднелся квадратик бледно-голубого неба без единого облачка. Не пролежав и минуты, я сел и огляделся кругом. На

полу валялись банки из-под кока-колы, грязная одежда, обертки из-под чипсов, несколько проволочных вешалок, коробка, где когда-то хранились резинки. Я встал и посмотрел на место, где только что лежал: складки и заломы желто-серых простыней, крупные пятна с четко очерченными краями. Все, что я видел, напоминало мне обо мне самом. Я распахнул дверцы гардероба и принялся кидать туда весь мусор с пола. Сдернул с кровати простыни, подушки, одеяла и их тоже запихал туда. Сорвал со стены фотографии, когда-то вырезанные из журналов. Под кроватью обнаружил тарелки и чашки, покрытые зеленой плесенью. Все это я засовывал в гардероб, пока комната не стала совершенно пустой. Снял даже лампу вместе с абажуром. Затем разделся, запихнул одежду туда же и закрыл дверь. Теперь комната была пуста, как тюремная камера. Я снова растянулся на кровати и смотрел на клочок неба за окном, пока не уснул.

Когда я проснулся, было темно и холодно. С закрытыми глазами я потянулся за одеялом. Я смутно помнил, что спал на фундаменте снесенного дома, — может быть, я все еще там? Я не понимал, почему оказался голым на голом матрасе. Рядом кто-то плакал. Может быть, я?

Я привстал, чтобы закрыть окно, и в этот миг вспомнил, что у меня уже давно умерла мать. Все встало на свои места: я снова лег, дрожа и прислушиваясь. Плач доносился из соседней комнаты — негромкий, жалобный. В нем было что-то успокаивающее: некоторое время я лежал и слушал, не чувствуя никакого любопытства. Наконец дрожь улеглась, я закрыл глаза, и тут же, словно в кино после перерыва, под закрытыми веками потянулась череда живых картин. На миг я открыл глаза, но и наяву, в темноте, передо мной проходили те же образы. Интересно, почему я так много сплю, подумал я? Я увидел жаркий летний день и переполненный пляж. Время идти домой. Отец и мать идут впереди, в руках у них складные стулья и охапка полотенец. Я за ними не поспеваю. Крупная круглая галька врезается мне в ноги. В руке у меня вертушка на палочке. Я плачу, потому что устал и хочу, чтобы меня взяли на руки. Родители останавливаются, чтобы меня подождать, но, как только я их догоняю, поворачиваются и идут дальше. Я начинаю вопить в голос, и другие дети оборачиваются на меня. Бросаю вертушку, а когда кто-то поднимает ее и протягивает мне — мотаю головой и ору еще громче. Мать передает складной стул

отцу и подходит ко мне. Она поднимает меня на руки, и через ее плечо я вижу девочку со своей вертушкой в руке: она стоит и смотрит на меня. Ветерок весело крутит яркие лопасти вертушки, я отчаянно хочу получить ее назад, но девочка осталась далеко позади, мы уже вышли на улицу. Я горько плачу, но мать словно не слышит…

На этот раз я открыл глаза и проснулся полностью. В комнатке было жарко и душно из-за закрытого окна. За стеной все еще плакал Том. Я встал, голова у меня закружилась, и пришлось прислониться к гардеробу. Я открыл его и начал шарить в поисках одежды. Из гардероба выкатилась лампа, упала на пол и разбилась. Я выругался громким шепотом. Темнота и духота мешали продолжать поиски. Ощупью, выставив перед собой руки, я добрался до двери, вышел на площадку, постоял, давая глазам привыкнуть к свету. Снизу слышались голоса Джули и Сью. При звуке открывающейся двери Том замолк, а затем захныкал снова — притворным, неубедительным плачем, на который Джули не обратила бы внимания. Дверь в ее спальню была открыта, и я тихо вошел туда. В комнате горел очень тусклый ночник, и поначалу Том меня не заметил. Он сбил все простыни и одеяла в конец кровати и лежал

на спине голый, глядя в потолок. Хныканье его напоминало нестройное пение. Иногда он словно забывал, что плачет, и умолкал, затем вспоминал и принимался хныкать громче. Минут пять или около того я просто стоял у его кровати и слушал. Одну руку он закинул за голову, а двумя пальцами другой теребил свой член.

— Так-так, — сказал я.

Том откинул голову и посмотрел на меня без всякого удивления. Затем снова устремил взор в потолок и захныкал. Я подошел к его кроватке сбоку и сурово спросил:

— Что с тобой? Какого черта ты ревешь?

Тут Том заревел по-настоящему, хлюпая и роняя слезы на простыню.

— Подожди, — сказал я и попытался опустить бортик кроватки. В темноте я никак не мог понять, как отщелкивается замок. Брат набрал полные легкие воздуха и заорал. Его крик мешал сосредоточиться. Я ударил по замку кулаком, затем схватил кроватку за прутья и потряс так, что она закачалась. Том засмеялся, что-то поддалось, и бортик упал на пол.

— Еще раз! Сделай так еще раз! — потребовал Том писклявым младенческим голоском.

Я сел на край кровати, на сбитую кучу одеял.

Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга, затем он спросил обычным голосом:

— А почему ты неодетый?

— Потому что жарко, — ответил я.

Он кивнул:

— Мне тоже жарко.

Теперь он лежал, закинув за голову обе руки, словно загорающий на пляже, и был уже совсем не похож на младенца.

— Ты поэтому ревел? Потому что жарко?

Он немного подумал и кивнул.

— Так ведь от плача еще жарче станет, — сказал я.

— Я хотел, чтобы пришла Джули. Она сказала, что обязательно придет.

— Зачем она тебе?

— Потому что я ее хотел.

— А зачем?

Том нетерпеливо прищелкнул языком:

— Потому что я ее хотел!

Я скрестил руки на груди. Мне захотелось задать ему пару вопросов.

— Ты помнишь маму? — Он приоткрыл рот и кивнул. — А ее не хочешь?

— Она же умерла! — с негодованием ответил Том.

Я забрался в детскую кроватку с ногами, и Том подвинулся, чтобы освободить мне место.

— Да, она умерла, — сказал я. — И все равно, разве ты не хочешь, чтобы к тебе пришла она, а не Джули?

— Я хожу к ней в комнату, — похвастался Том. — Я знаю, где Джули держит ключ.

Запертая спальня почти стерлась из моей памяти. Когда я думал о маме, мне всегда вспоминался подвал.

— И что ты там делаешь? — спросил я.

— Ничего.

— Что там сейчас?

— Джули все убрала, — пожаловался Том. — Все мамины вещи.

— А зачем тебе мамины вещи?

Том уставился на меня так, словно я задал бессмысленный вопрос.

— Ты играл с ее вещами? — спросил я.

Том кивнул и поджал губы, подражая Джули.

— Мы переодевались и придумывали разные вещи.

— Вы с Джули?

Том захихикал:

— Дурак, мы с Майклом!

Майклом звали его приятеля из многоэтажек.

— Вы одевались в мамину одежду?

— Мы играли в маму и папу, и еще в Джули и тебя, и еще в Джули и Дерека.

— А как вы играли в Джули и меня? — И снова Том посмотрел на меня так, словно не понял вопроса. — Ну, что вы делали?

— Просто играли, — неопределенно ответил Том.

Из-за того, как падал на его лицо свет, или оттого, что у него были свои секреты, но Том показался мне маленьким мудрым старичком, лежащим у моих ног. Мне стало интересно, верит ли он в рай.

— А ты знаешь, где сейчас мама? — спросил я.

Том уставился на потолок и ответил:

— В подвале.

— Как в подвале? — прошептал я.

— В подвале. В сундуке, под бетоном.

— Кто тебе сказал?

— Дерек. Он сказал, ты положил ее туда.

Том повернулся на бок и поднес палец ко рту.

Я потряс его за ногу:

— Когда он тебе сказал?

Том помотал головой. Он никогда не знал, когда случилось то или другое — вчера или на прошлой неделе.

— А что еще сказал Дерек?

Том сел, расплывшись в улыбке:

— Сказал, вы делаете вид, что там лежит собака. — Он рассмеялся. — Собака!

Том потянул на себя угол простыни, снова перекатился на бок и, не закрывая глаз, сунул палец в рот. Я сунул себе под спину подушку. Мне здесь нравилось. Все, что я только что услышал, казалось неважным. Хорошо бы, думал я, поднять бортик и просидеть так всю ночь. В последний раз, когда я спал в этой кроватке, все у нас было в порядке. Когда мне было четыре года и я верил, что это мама придумывает и показывает мне по ночам сны. А если спрашивает, что мне снилось, то только для того, чтобы проверить, правду ли я скажу. Кроватка отошла Сью гораздо раньше, когда мне было два года, но сейчас я чувствовал в ней что-то очень знакомое: влажный солоноватый запах, расположение прутьев, сонное удовольствие уютной темницы. Шло время. Том закрывал и снова открывал глаза, палец его скользнул глубже в рот. Но мне еще не хотелось, чтобы он засыпал.

— Том! — прошептал я. — Том! Почему ты хочешь снова стать маленьким?

— Ты меня сейчас раздавишь! — ответил он

жалобно, словно снова готовясь заплакать, и слабо пихнул меня ногой из-под простыни. — Ты меня совсем раздавил, и это моя кровать, и…

Тут голос его прервался, веки сомкнулись, дыхание обрело глубину и ритм. Минуту или две я смотрел на него, пока легкий шум у дверей не подсказал мне, что за мной тоже наблюдают.

— Нет, вы только посмотрите, — прошептала Джули, пересекая комнату. — Только посмотри на себя! — Она пихнула меня в плечо и зажала себе рот рукой, сдерживая рвущийся наружу смех. — Два голых младенчика!

Она подняла и закрепила бортик кровати и, облокотившись на него, с ясной улыбкой взглянула на меня. Волосы у нее были зачесаны наверх, несколько длинных тонких прядей спускалось вдоль ушей, где блестели яркие стеклянные серьги-бусины.

— Ах ты, мой маленький!

Она погладила меня по голове. Белая блузка на ней была полурасстегнута — виднелась ложбинка загорелой груди. Она пыталась сжать губы, но тут же невольно раздвигала их в улыбке. Острый и сладкий запах ее духов обволакивал меня, я сел, глядя ей в глаза, чувствуя, что расплываюсь в широчайшей и глупейшей улыбке. Мне подума-

лось, что стоит шутки ради сунуть палец в рот, и я поднес руку к лицу.

— Давай, давай! — подбодрила она меня. — Не стесняйся!

Безвкусность собственной кожи привела меня в чувство.

— Я пойду, — проговорил я и встал.

Джули покатилась со смеху.

— Вы только посмотрите, какой большой мальчик! — простонала она и сделала вид, что хочет взять меня на руки.

Я перелез через бортик и, пока Джули укрывала Тома одеялом, побрел к дверям, жалея о том, что сам положил конец этой сцене. Но Джули поймала меня за руку и потянула к кровати.

— Не уходи, — попросила она. — Я хочу с тобой поговорить.

Мы сели лицом друг к другу. Я смотрел в ее огромные яркие глаза.

— Знаешь, ты голышом очень неплохо смотришься, — сказала она. — Такой бело-розовый, как сливочное мороженое. — И она коснулась моей сожженной солнцем руки. — Больно?

Я покачал головой и сказал:

— Может, и ты разденешься?

Она быстро разделась, сбросив одежду кучей на

кровать. Кивнув в сторону Тома, спросила:

— Как тебе кажется, он счастлив?

Я ответил «да», а затем повторил то, что рассказал мне Том. Джули открыла рот в притворном изумлении.

— Дерек давным-давно все знает. Мы действительно не слишком хорошо храним секреты. Его только расстраивает, что мы все скрываем от него. — Она хихикнула, прикрывая рот рукой. — Когда мы говорим ему, что там собака, он считает, что мы ему не доверяем. — Она придвинулась ближе ко мне и обхватила себя руками. — Он хочет войти в нашу семью, понимаешь, стать для нас папочкой. Ох, как же он мне надоел!

Я коснулся ее руки — так же, как она касалась моей.

— Раз он все знает, — сказал я, — можно ему прямо все сказать. Как-то противно говорить, что это собака.

Джули покачала головой и сплела свои пальцы с моими.

— Он хочет сам за все отвечать. Все время заговаривает о том, чтобы переехать сюда и жить с нами. — Она расправила плечи и набрала воздуха в грудь: — «Вам четверым необходимо, чтобы кто-то о вас позаботился!»

Я взял Джули за другую руку, и мы сели ближе, соприкасаясь коленями. Том в своей кроватке что-то пробормотал и громко сглотнул во сне. Джули снова перешла на шепот:

— Он живет со своей мамой в крохотном домишке. Я там была. Она его называет «мой малышок» и заставляет мыть руки перед чаем. — Джули высвободила руки и сжала ими мое лицо с двух сторон, а потом взглянула вниз, на мои ноги и на то, что между ними. — Она мне рассказывала, что гладит ему пятнадцать рубашек в неделю.

— Это много, — сказал я.

Джули так сдавила мне щеки, что губы у меня выпятились вперед, словно птичий клюв.

— Вот такой ты ходил все время, — проговорила она, — а сейчас ходишь вот такой! — И отпустила мое лицо.

Но я хотел еще поговорить.

— Ты давно не бегала, — сказал я.

Джули вытянула ногу и положила мне на колено. Оба мы смотрели на нее, словно на какую-то зверушку. Я взял ее ступню обеими руками.

— Может быть, зимой снова начну тренироваться, — сказала Джули.

— А в школу на следующей неделе пойдешь?

Она покачала головой.

— А ты?

— Не-а.

Мы обнялись, и руки и ноги наши сплелись в такой сложный узел, что, не удержав равновесия, мы рухнули боком на кровать. Там мы и лежали обнявшись, лицом к лицу. Довольно долго мы говорили о себе.

— Странно, — говорила Джули. — У меня совсем пропало чувство времени. Кажется, мы всегда жили так, как сейчас. Даже не могу припомнить, как все было, когда мама была жива. И не могу себе представить, как что-то меняется. Все кажется таким вечным, таким неподвижным, что я уже ничего не боюсь.

Я говорил:

— Мне кажется, что я по-настоящему живу, только когда спускаюсь в подвал. А все остальное — как сон. Проходят дни, недели, а я их и не замечаю. Спроси меня, что было три дня назад, и я не смогу ответить.

Мы говорили о снесенных домах в конце улицы и о том, что будет, если и наш дом снесут.

— Придет сюда кто-нибудь, — сказал я, — и все, что найдет, — несколько кирпичей в высокой траве.

Джули закрыла глаза и закинула ногу мне на

бедро. Моя рука лежала у нее на груди, и я чувствовал биение ее сердца.

— А нам-то какая разница? — пробормотала она и подвинулась выше, так, что ее груди оказались на уровне моего лица. Кончиком пальца я коснулся ее соска, твердого и сморщенного, словно персиковая косточка. Джули взяла его двумя пальцами и потерла, а затем поднесла к моим губам.

— Давай, — прошептала она.

Казалось, я невесом и парю в пространстве, где нет ни верха, ни низа. С этим чувством я сомкнул губы на соске Джули, легкая дрожь прошла по ее телу… и в этот миг от дверей послышался скорбный голос:

— Ну вот, теперь я все знаю.

Я попытался отодвинуться, но Джули теснее прижала меня к себе, закрывая от Дерека своим телом. Приподнявшись на локте, она изогнулась, чтобы взглянуть на него.

— Вот как? — спокойно спросила она. — Какая досада! — Но сердце ее, в нескольких дюймах от моего лица, сильно билось.

Дерек заговорил снова — теперь его голос звучал гораздо ближе.

— И долго это происходит?

Я был рад, что его не вижу.

— Очень-очень долго, — ответила Джули. — Можно сказать, целую жизнь.

Дерек испустил сдавленный вздох — то ли изумления, то ли гнева. Я представил себе, как он стоит: очень прямо, сунув руки в карманы. Когда он снова заговорил, голос его звучал хрипло и неровно.

— И все это время… меня ты к себе и близко не подпускала!

Он шумно откашлялся, помолчал.

— Почему ты мне не сказала?

Я почувствовал, как Джули пожала плечами. А потом сказала:

— Знаешь, вообще-то это тебя не касается.

— Разумеется, — сказал Дерек, — если бы ты мне сразу все объяснила, ноги бы моей тут не было.

— Как типично! — сказала Джули.

Но Дерек по-настоящему разозлился. Он уходил: теперь голос его звучал издалека.

— Мерзость какая, — говорил он, — он же твой брат!

— Тише, Дерек, — твердо сказала Джули. — Разбудишь Тома.

— Что за мерзость! — повторил Дерек, и за ним

захлопнулась дверь.

Джули спрыгнула с кровати, заперла дверь и прижалась к ней ухом. Мы ждали звука отъезжающей машины, но не слышали ничего, кроме дыхания Тома. Джули улыбнулась мне. Подошла к окну, раздвинула занавески. Дерек пробыл здесь так недолго, что, казалось, он нам почудился.

— Наверное, пошел вниз, — сказала Джули, снова устраиваясь рядом со мной. — Может быть, жалуется Сью.

Минуту или две мы лежали неподвижно, ожидая, пока утихнут отзвуки его голоса. Затем Джули положила ладонь мне на живот.

— Посмотри, какой ты бледный, — сказала она, — особенно рядом с моей рукой.

Я взял ее руку и приложил к своей. Ладони у нас оказались почти одинаковые. Мы сели и сравнили линии на ладонях — они оказались совсем разные. Тогда мы начали долгое исследование наших тел. Лежа на спинах бок о бок, мы сравнивали свои ноги. Пальцы ног у нее оказались длиннее, чем у меня, а ступни — меньше и стройнее. Мы измеряли руки, ноги, шеи и языки, но самыми похожими оказались пупки: две одинаковые впадинки, чуть скошенные на сторону, с одинаковыми завитками в глубине. Только когда

я сунул пальцы Джули в рот, чтобы пересчитать ей зубы, оба мы засмеялись над тем, что делаем.

Я перекатился на спину, и Джули, все еще смеясь, оседлала меня, взяла мой член и направила его в себя. Все произошло очень быстро: мы вдруг замерли, не в силах взглянуть друг на друга. Джули затаила дыхание. Путь мне преграждало что-то мягкое: я почувствовал, как член мой растет внутри ее и что-то подается и освобождает ему дорогу. Джули вздохнула и, наклонившись, легко поцеловала меня в губы. Затем слегка приподнялась и снова опустилась. Где-то в животе у меня родилась прохладная дрожь, и я тоже вздохнул. Наконец мы взглянули друг на друга.

— Вот видишь, — с улыбкой сказала Джули, — как легко.

Я приподнялся и зарылся лицом ей в грудь. Она снова взяла двумя пальцами сосок и нашла мой рот. Я начал сосать, и по телу сестры прошла все та же легкая дрожь, и в этот миг я услышал и ощутил далекие, мощные, в ритме биения сердца удары, что шли откуда-то снизу и, казалось, сотрясали весь дом. Я откинулся на спину, а Джули наклонилась вперед. Мы двигались в ритме ударов, и казалось, что эти удары двигают нас, сотрясают и толкают друг к другу. В какой-то

миг, взглянув вбок, я заметил между прутьями кроватки лицо Тома. Мне показалось, что он смотрит на нас, но нет, глаза его были закрыты. Я тоже закрыл глаза. Чуть позже Джули решила, что пора заканчивать. Но это оказалось не так-то легко. Моя нога застряла между ее ног. Мешали одеяла. Мы попытались перекатиться на бок, но едва не свалились с кровати, так что пришлось катиться обратно. Я локтем прижал волосы Джули к подушке, и она громко ойкнула. Оба мы засмеялись, на миг забыв, чем занимаемся. А скоро мы уже лежали бок о бок, прислушиваясь к мощным ритмичным ударам, теперь чуть более медленным, чем прежде.

Потом мы услышали, как Сью колотит в дверь и зовет Джули. Та открыла, и Сью бросилась ей на шею. Джули отвела ее на кровать и усадила между нами. Сью сотрясала нервная дрожь, она изо всех сил сжимала губы. Я взял ее за руку.

— Он разбивает бетон, — сказала она наконец. — Он нашел кувалду и разбивает бетон.

Мы прислушались. Теперь удары звучали не так громко, а паузы между ними стали длиннее. Джули встала, заперла дверь и прислушалась. Некоторое время ничего не было слышно. Затем — шаги перед домом. Джули подошла к

окну:

— Садится в машину.

Снова долгая тишина. Затем мы услышали рев мотора — и автомобиль исчез, пронзительно взвизгнув шинами. Джули задернула занавески, подошла к нам, села рядом со Сью, взяла ее за другую руку. Так мы сидели втроем на краю кровати. Долго никто не произносил ни слова. А потом, словно проснувшись, мы начали шепотом говорить о маме. Мы говорили о ее болезни, и о том, как несли ее по ступенькам вниз, и о том, как Том пытался забраться к ней в постель. Я напомнил о том, как мы остались одни на весь день и дрались подушками. Оказалось, что Сью и Джули совершенно об этом забыли. Мы вспоминали поездку за город — давным-давно, еще до рождения Тома, — и спрашивали себя, что сказала бы мама о Дереке. Все сошлись на том, что она бы его и на порог не пустила. Мы не чувствовали горя — лишь какое-то благоговение. Если кто-то начинал говорить громко, остальные на него шикали. Мы говорили о том, как праздновали мой день рождения у маминой постели и как Джули сделала стойку на руках. Уговорили ее сделать то же самое еще раз. Она отбросила в сторону одежду, валявшуюся на полу, и перевернулась

вверх тормашками, стрелой вытянув к потолку стройные, загорелые, чуть дрожащие от напряжения ноги. Мы со Сью тихо захлопали. Снаружи послышался шум двух или трех машин, хлопанье дверей, торопливые шаги нескольких человек. Этот шум разбудил Тома. Сквозь щель занавесок пробился мерцающий голубой свет и образовал на стене вращающееся колесо. Том сел и, моргая, уставился на нас. Мы столпились вокруг кроватки, а Джули наклонилась к нему и поцеловала.

— Доброе утро, малыш! — сказала она.